Идеальное тело Пятачка

Автор:
Дарья Донцова

Идеальное тело Пятачка

Дарья Донцова

Татьяна Сергеева. Детектив на диете #5

Таня Сергеева в шоке – у нее даже кошки никогда не было, а нужно снимать стресс у карликового кролика размером с медведя! Таковы ее новые обязанности зоопсихолога: следы пропавшей девушки, которую разыскивала Татьяна, вели в особняк бизнесмена Германа Кнабе, вот она и устроилась туда на эту оригинальную должность. Зато теперь Татьяна – своя в доме, перед ней открыты все двери. А тайн в усадьбе выше крыши: бродит и звенит бубенчиками призрак, бесследно исчезают горничные, непонятно куда ведет тайный ход. Необследованным осталось только подземелье, но Таня узнала, на какой камень нужно нажать, чтобы открылся лаз, и бесстрашно направилась прямиком в неизвестность!..

Дарья Донцова

Идеальное тело Пятачка

Глава 1

Поздно просить на завтрак яичницу, если для вас уже отварили сосиски...

Я остановилась у громадных ажурных ворот и достала из сумочки зеркальце. Так и есть, выгляжу хуже некуда: волосы растрепались, тушь осыпалась, губная помада размазалась. А еще мне категорически не идет сарафан в крупный горох.

Ну зачем я пошла на поводу у продавщицы и купила сей шедевр швейного искусства? Ведь великолепно знаю, если девица за прилавком принимается закатывать глаза и восклицать: «Отлично сидит! Непременно берите! Я сделаю вам скидочку», – нужно насторожиться. А уж если откопаешь «потрясающее» летнее платье из хлопка на самой дальней вешалке в преддверии новогоднего праздника, значит, эта шмотка никому до сих пор не понадобилась. Так, может, она и тебе не нужна? Но я повелась на льстивые речи менеджера и схватила сарафанчик.

В примерочной кабинке, где слегка приглушен свет, а зеркало явно стройнит фигуру, вещь смотрелась, как выражается мой коллега Коробков, «убойно». А вот сейчас, когда сарафан наконец-то дождался тридцатиградусной жары, я с тоской констатировала: глупо было наряжаться в ярко-красный ситчик, усеянный круглыми черными кругами диаметром в пятнадцать сантиметров. Я в нем напоминаю лошадь, которая тащит катафалк. Впрочем, нет, скорее уж слона, участвующего в похоронной процессии, не хватает только плюмажа на башке. Мой гардероб небогат, и для эфиопской жары, неожиданно упавшей на Москву, непригоден. Отхватив злополучный сарафан, я решила, что с проблемой с летними платьями покончено. Теплая погода в столице, как правило, бывает недели две, нет нужды обзаводиться сотней футболок. Поэтому сегодня утром мне пришлось выбирать: ехать на службу в отвратительном сарафане, но зато не плавиться от жары или надеть трикотажный костюм, в котором я буду похожа на тетку, просидевшую в сауне, забыв снять шубу, ушанку и валенки. Рассудив, что первый вариант принесет мне меньше неудобств, я храбро поехала на работу, кожей ощущая удивленные взгляды попутчиков.

Первым в коридоре офиса мне встретился Коробков, который моментально задал вопрос:

– Тань, Винни-Пух свинья или кабан?

Я изумилась:

– Прости, не поняла.

– Экая ты… – укорил меня Димон. – Чего сложного я спросил? Просто ответь: Винни-Пух свинья или кабан?

Сколько годков Коробкову, не знает никто. У него лицо человека, который прожил на свете не менее шести десятков лет, но у Димона глаза яркие, как у подростка. К тому же у нашего хакера сленг девятиклассника, одежда рокера, серьга в ухе, из волос сооружен хаер красно-рыжего цвета, а руки, спина, ноги, шея – короче, все открытые взору части тела украшены татуировками на грани приличия. Даже предположить боюсь, какие картинки у Димона там, куда постороннему человеку не заглянуть. По менталитету Коробкову не дашь и двенадцати, но, с другой стороны, он является гениальным компьютерщиком, хакером, которого не остановят никакие пароли, шифры и охранные программы. Если Димон захочет раздобыть код доступа к ядерной кнопке любой страны, будьте уверены – он его раздобудет. Когда я вижу, как ловко и быстро Коробок «нарывает» любую строго секретную информацию, то всегда радуюсь, что ему не приходит в голову использовать свой талант в преступных целях. Хорошо, что Коробок стоит по другую сторону баррикад, то есть ловит тех, кто нарушил закон.

– Эй, Тань, не зависай! – толкнул меня в бок наш компьютерный гений.

– Винни-Пух кабан, – ответила я.

– И почему ты пришла к такому выводу? – ехидно засмеялся Димон.

– Он мальчик, – пожала я плечами. – Насколько помню, в той сказке почти все герои, так сказать, самцы: ослик, кролик, Пятачок, и только одна сова девица.

В воздухе повеяло духами, потом раздалось звонкое цоканье каблуков, и перед нами возникла Марта Карц во всей своей красе. Кто не знает, сообщаю – она дочь олигарха.

Поверьте, я не самый завистливый человек на свете и никогда не исхожу слюной при виде чужих драгоценностей или шикарных автомобилей. Очень хорошо понимаю: я никогда не смогу приобрести «Майбах». Да он мне и не нужен! Главное, я счастливая жена самого лучшего мужчины на свете и не променяю

Гри ни на сумку, полную стокаратных бриллиантов, ни на миллиардный счет в банке. Мало кому из женщин повезло так, как мне. Вернее, так повезло лишь мне одной на свете. Гри существует в единственном экземпляре и принадлежит только мне, остальным дамам достались супруги второго, третьего и прочего сортов. Поэтому я и лишена чувства зависти: рядом с феноменом осознаешь собственную уникальность. Вот скажите, какое количество «Роллс-Ройсов» выпущено в свет? Тысяча, пять, десять? В принципе, любой человек, если поставит перед собой цель приобрести шикарный дом, роскошную машину, стать богатым и знаменитым, может ее достичь – упрется рогом и добьется своего. Но вот Гри ему не купить, он мой. К чему тогда мне кому-то завидовать?

И только Марта Карц, дочь владельца заводов, пароходов, алмазных копий, нефтяных скважин и не знаю чего еще, подчас заставляет меня подавлять тоскливый вздох. Карц очень хороша собой и всегда шикарно одета. Сегодня на ней белое мини-платье с темно-синими карманами, на ногах босоножки, безукоризненный педикюр, в руках большая и явно неприлично дорогая сумка, волосы собраны в небрежный узел и вроде нет ни грамма косметики на лице. Карц выглядит так, словно она, вскочив с постели, быстро приняла душ, выхватила из шкафа первые попавшиеся под руку вещи и понеслась на службу. Но, поверьте мне, это не так. Марта тщательно следит за собой. Отсутствие пудры иллюзия, на самом деле лицо красотки покрыто тональным кремом, глаза оттенены карандашом, а губы блестят от помады. Да и художественный беспорядок на голове – творение рук модного парикмахера.

– Солнышко! – взвизгнула Карц и облобызала Димона. – С днем рождения тебя! Вот, держи небольшой сувенирчик.

– Ты не забыла… – умилился Коробок, развязал бархатный мешочек, полученный от нашей великосветской дивы, и ахнул от восторга: – Где взяла? Я давно такой искал!

Я закусила в досаде губу. Ну вот, опять ты, Сергеева, оказалась в дурах, у Коробка сегодня праздник, а ты запамятовала. Ну почему Марта все помнит?

– Красота! – восхищался тем временем Димон, вытаскивая кожаный ошейник с устрашающими железными шипами. – Мечта моя сбылась!

– Нравится? – обрадовалась Карц.

– До трясучки! – заверил Димон и быстро нацепил на себя подарочек. – Ух, прям по размеру! И где ты его раздобыла?

– В магазине для собак, – без тени смущения призналась Карц. – Я подумала, что у тебя шея как у ротвейлера, и угадала.

Я закашлялась, а Димон с еще большим восторгом заорал:

– Ваще, круто! Можешь ответить на один вопрос?

– Ну? – изогнула искусно накрашенные брови красотка.

Димон выпалил:

– Винни-Пух свинья или кабан?

– Вот уж глупость! – не удержалась я. – Ясное дело, что…

– Действительно, бред, – перебила меня Марта. – Всем известно, что Винни-Пух медведь.

Я поперхнулась и опять закашлялась, а Марта, крутанувшись на каблуках, двинулась в сторону кабинета Чеслава.

– Ты простудилась? – заботливо спросил Димон.

Я справилась с приступом кашля.

– Отлично себя чувствую. Поздравляю тебя с днем варенья!

– Ты помнишь! – незамедлительно обрадовался Коробок.

– Естественно, – лихо соврала я. – Сейчас за подарком схожу, я оставила его в гардеробе, в кармане шубы.

Коробков крякнул, а я расстроилась. Увы, я принадлежу к породе людей, которые сначала лгут, а потом думают: правдоподобна ли ложь. Если учесть, что на календаре начало июля, а температура даже в тени около тридцати градусов, то сообщение про шубу в закрытой на лето раздевалке оказалось весьма кстати. Чтобы хоть как-то исправить положение, я хихикнула и быстро сказала:

– Конечно, Винни-Пух медведь, я просто оговорилась.

– Но из десяти человек только один об этом вспоминает, остальные говорят, что он кабан, – удовлетворенно заметил Димон. – Это тест на сообразительность. Причем вроде простенький, но отнюдь не все его проходят. Сама проверь.

– Димка! С днюхой! – замахал рукой Чеслав, появляясь в конце коридора. – Стой, не шевелись, я несу тебе презент.

Я предпочла улизнуть. Значит, в отличие от Марты я не сумела продемонстрировать свою сообразительность. От осознания собственной глупости остатки моего хорошего отношения к Карц растаяли, как сосулька, брошенная на раскаленную сковородку…

Утреннее совещание Чеслав начал с вопроса:

– Кто-нибудь слышал про Эрику Кнабе?

Я уставилась в пол, надеясь, что начальник сейчас сам все объяснит.

– Эрика Кнабе, дочь Германа Кнабе, – голосом зубрилы завела Марта. – Он по происхождению немец, его отец Вольф Кнабе приехал в начале тридцатых годов в СССР, чтобы, как тогда выражались, «строить социализм во всем мире». Вольф и его жена Матильда были совсем молодыми и крайне активными, они получили советское гражданство и по непонятной причине избежали ареста в печально известном тридцать седьмом году. Тогда же у них родился сын Герман. Когда началась Вторая мировая война, Вольф и Матильда отправились на фронт. Чтобы иметь возможность бороться с фашистами, родители отдали мальчика в детдом. Отец и мать не предполагали, что война затянется на долгие годы. Пропаганда тех лет внушила советским людям: мощь Красной Армии безгранична, врага разобьют за считаные недели. Действительность оказалась иной. Кнабе не участвовали в боях, они ездили по позициям в специальной машине с

громкоговорителем и агитировали фашистов сдаться в плен, рассказывали, как хорошо живется в СССР. Кое-кто из солдат вермахта, услышав идеальную немецкую речь, поддавался на уговоры Кнабе и выходил с поднятыми руками. Судьба военнопленных складывалась совсем не радужно, они все попадали в лагеря, и мало кто из них остался в живых. В начале пятидесятых арестовали и самих Кнабе, но им повезло: придя к власти, Никита Хрущев выпустил узников на свободу. Вольфу и Матильде в середине пятидесятых годов удалось воссоединиться с сыном. Герман Кнабе не пропал в детдоме, мальчик обладал немецким трудолюбием, окончил десятилетку с отличным аттестатом. После возвращения Вольфа и Матильды он поступил в институт. Его родители работали на радио, рассказывали жителям ФРГ[1 - До 1990 года Германия была разделена на две страны: Германская Демократическая Республика, ГДР, являлась частью лагеря социализма, а Федеративная Республика Германии, ФРГ, принадлежала к капиталистическому сообществу.] о райской жизни в СССР и прочих соцстранах.

– Откуда ты взяла эти данные? – удивился Чеслав.

Марта хмыкнула и продолжила:

– У Германа двое детей – Эрика и Миша. Кнабе богат, и его наследники – лакомый кусочек для тех, кто мечтает войти в состоятельную семью. Но ни дочь Кнабе, ни его сын никогда не ходят по тусовкам, не гуляют в клубах, не ездят на модные горнолыжные курорты – у них своя компания. А все же иногда Кнабе видят в публичных местах. Миша дружит с владельцем театра «Карнавал» и часто посещает спектакли. Моя подруга, актриса Ира Бурова, решила во что бы то ни стало понравиться Мише и стать его женой. Но поскольку Ирка совсем не дура, она действовала не с бухты-барахты, а сначала нарыла побольше информации о Кнабе и только потом открыла на Мишу охоту.

– Удалось ей заарканить парня? – с интересом спросил Димон.

Марта фыркнула.

– Нет! Красавчик на Бурову даже не посмотрел. Она знала, что Миша увлекается искусством и занимается живописью, поэтому прикинулась натурщицей.

– Не самый лучший способ попасть в приличную семью, – высказала я свое мнение. – Навряд ли Герман Кнабе захочет иметь в невестках девицу, которая зарабатывает на жизнь, раздеваясь перед мужчинами.

Карц пожала плечами.

– Натурщица не проститутка и не стриптизерша. Кстати, мне попадались путаны, которые, бросив свое ремесло и выйдя замуж, никогда не изменяли мужьям, становились идеальными женами и матерями. И наоборот, я встречала девушек из богатых семей, которые до свадьбы повсюду разгуливали за ручку с мамами, а став замужними дамами, делались настоящими шлюхами. Но это так, к слову. Ирина Бурова очень красива и надеялась соблазнить Мишу.

– У нее получилось? – снова выказал интерес Коробков.

– Нет, – ответила Марта. – Кнабе ее очень вежливо отшил, сообщив, что сейчас он увлекается пейзажем. Тогда Ирка предположила, что Миша голубой, ведь во время его редких появлений в публичных местах наследничка никогда не видят с женщинами.

Я не удержалась от смешка. Однако у некоторых девиц непомерное самомнение. Если парень не накинулся на нее с рычанием, когда «нимфа» состроила ему глазки, значит, он гомосексуалист. Нет бы взглянуть на проблему с другой стороны: вероятно, твои прелести вовсе не так уж и хороши. Или молодой человек принадлежит к категории людей, которые не затевают интрижки с первой попавшейся красоткой. Встречаются брезгливые парни, им совсем не хочется пользоваться общей зубной щеткой и иметь любовницу с длинным послужным списком.

– Ближе к теме, – приказал Чеслав.

Марта надула губы.

– Но ведь сведения о сексуальной ориентации объекта очень важны. А насчет Михаила ничего сказать не могу – семья Кнабе всегда в тени. Вернее, была в тени до прошлого года...

Марта прирожденная рассказчица, она знает, в какой момент нужно сделать паузу, чтобы заинтриговать слушателей.

– А что случилось в прошлом году? – не выдержала я.

Карц отбросила с лица выбившуюся из прически прядь.

– Эрика Кнабе стала жертвой нападения. Девушку нашли в парке, в укромном месте, с удавкой на шее. Если бы все произошло суровой зимой, дочь Германа наверняка бы умерла, но тогда стояла необычно теплая для Москвы погода. Что делала Эрика одна далеко от дома, до сих пор неизвестно.

– Отчего бы не спросить саму Кнабе? – усмехнулась я.

– Она в коме, – отбила подачу Марта. – Сначала лежала в больнице, потом ее перевезли домой, в подмосковное имение. Преступника не нашли.

– Кнабе изнасиловали? – уточнил Димон.

Марта развела руками и добавила:

– Это был единственный случай, когда Герман пообщался с прессой. Думаю, олигарха достали журналисты, которые в отсутствие информации стали выпускать особенно жирных уток. Старший Кнабе собрал пресс-конференцию, и если Димон пошарит в Рунете, он найдет нужные материалы.

– Плиз, минуточку, – закудахтал Коробок, впившись вглядом в экран своего ноутбука. – Опа! Мда... мда... вот! Слушайте...

Герман Кнабе: «Моя дочь Эрика возвращалась от одной из своих подруг. Очевидно, с ее машиной, белым „Порше“, случилась поломка. Предполагаю, что спустило колесо. Дочь вышла из автомобиля, отправилась в парк искать помощь и подверглась там нападению грабителя. „Порше“ исчез, Эрика получила тяжелое повреждение мозга, ей сделали несколько операций, но дочь пока не приходит в сознание».

Вопрос журналиста: «Ее изнасиловали?»

Герман: «Нет, всего лишь ограбили. Забрали драгоценности, сумку, часы, ключи от автомобиля, его угнали. Целью подонков была не моя дочь, а „Порше“ и деньги».

Журналист: «Неужели Эрика ездила без охраны?»

Герман: «Наша семья ведет обычный образ жизни. Мои дочь и сын не являются светскими персонажами. Эрика студентка, у нее ограниченный круг давних приятелей. Михаил художник. Дети сами водят свои автомобили, шоферов у них нет, а поскольку их лица не растиражированы в прессе, никто их не узнает. Зачем тогда нужны секьюрити?»

Журналист: «Как зовут знакомую, у которой в день нападения гостила Эрика?»

Герман: «Без комментариев. Спасибо, что пришли на пресс-конференцию. Наша семья сейчас переживает тяжелое время, я буду благодарен вам за поддержку и понимание. Если захотите узнать подробности об Эрике, обращайтесь ко мне, получите честные ответы. Не пишите откровенной лжи!»

Димон оторвался от компа.

– Потом Кнабе устроил фуршет, напоил писак, и те настрочили весьма благожелательные статьи. Эрику жалели, а родственникам выражали сочувствие.

– Стервятники! – зло буркнула Карц. – Кто им бутылку водки дал, тот и герой. А почему у нас возник интерес к семье Кнабе?

Чеслав положил на стол две фотографии.

– Смотрите.

Я, чуть не столкнувшись лбом с подбородком Карц, наклонилась над снимками. На одном была запечатлена симпатичная блондинка в простом, но явно очень дорогом костюме с большой сумкой в руке, а на другом не очень привлекательная студентка в малопрезентабельной футболке и джинсах.

– Ну-ка, проявите сообразительность, где, по-вашему, Эрика? – спросил Чеслав.

Марта ткнула пальцем в левое фото.

– Сумка не простая, винтажная. Видите табличку с цифрой «1962», прикрепленную под логотипом фирмы? Такой аксессуар стоит намного дороже обычного. Костюм и туфли, конечно, от известных дизайнеров, прическа явно сделана в модном салоне, на руке швейцарские часы, в ушах бриллиантовые сережки… А на другом снимке сняли дитя рабочих окраин. Джинсы дешевой молодежной марки, сидят плохо, футболка с рынка, волосы девчонка сама феном сушила, а вместо шикарной сумки у нее чудовище из гобелена, напоминающее кошелку, с которой наша домработница шастает на рынок за картошкой.

Чеслав подмигнул Марте.

– Ловко! Однако все наоборот: с гобеленовой торбой дочь олигарха, а в эксклюзивных шмотках студентка Варвара Богданова. Есть человек, стопроцентно уверенный: Герман Кнабе похитил Варю, спрятал в своем имении и сделал из нее секс-рабыню.

Глава 2

– Круто! – гаркнул Димон. – Лучше не встречать по одежке!

Карц метнула в Коробкова испепеляющий взгляд, но промолчала, а Чеслав продолжил:

– Необходимо внедриться к Кнабе и найти Варвару…

– И как же? – поинтересовалась я. – Прислугу хозяин стопроцентно нанимает через агентство, причем проверяет всех под лупой! А всяких торговцев косметикой да пылесосами и на порог не пустит.

Чеслав похлопал ладонью по столу.

– Спокойно. Дослушай до конца. Кнабе живут в огромном поместье, хозяйский дом стоит в парке, переходящем в лесную зону. Но, главное, у них есть зверинец!

– Что? – не понял Коробков.

– Кошки с собаками? – высказала я предположение. – Хомячки и черепашки?

Чеслав начал рыться в ящике стола.

– Нет, у Кнабе настоящий зоопарк. Говорят, даже бегемота ему привезли.

– Прикольно... – протянула Марта. – Хотя идея не нова, в половине домов на Рублевке обитают экзоты. Кого я только у друзей не видела!

– Герман Кнабе обожает животных, – пояснил Чеслав, продолжая копаться в бумагах, – он мечтал стать ветеринаром, но не получилось.

– И приходится бедняге мучиться в олигархах, – заржал Димон, – стоит пожалеть несчастного. Сейчас бы ставил клизмы мартышкам, получал грошовый оклад, а вместо этого вынужден ворочать миллиардами.

Чеслав положил на стол папку.

– В питомник нужен зоопсихолог. Вот, Таня, держи.

Я взяла в руки скоросшиватель, увидела внутри паспорт, раскрыла его и уставилась на свою фотографию.

– Имя оставили твое, а вот фамилия другая, – бодро пояснил начальник.

– Татьяна Кауфман, – растерянно прочитала я.

– Там еще есть диплом об окончании МГУ, медицинская книжка, рекомендация от академика Перова и других твоих прежних работодателей, – продолжал Чеслав. – Да, еще! Ты этническая немка. Думаю, сей факт сыграл немаловажную

роль в том, что Тане Кауфман предложили работу у Кнабе. Если выдержишь испытательный трехмесячный срок, можешь рассчитывать на большой оклад, но и стажерке предлагают весьма выгодные условия. Кормят бесплатно, отпуск двадцать четыре дня.

– Я не владею немецким! Герман моментально раскусит самозванку, – вырвался из моей груди вопль.

– Сомневаюсь, что хозяин лично захочет общаться с наемным работником, – ухмыльнулся Димон.

– Думаю, Коробков прав, – согласился Чеслав, – но ты всегда можешь сказать: «Мои родители давно обрусели, на языке предков дома не говорили».

– Я никогда не имела дела с животными, – промямлила я.

– Да ну? – поразился Димон. – Разве у тебя не жили всякие там Тузики, Бобики, Васьки и прочие Барсики?

– Нет, – сквозь зубы ответила я.

– Даже белые мышки? – не успокаивался хакер.

Я содрогнулась.

– Ненавижу грызунов!

– Совсем никаких живых организмов в квартире? – удивился Коробков. И подвел итог: – У тебя было ужасное детство!

– На кухне бегали тараканы, а в туалете по полу иногда ползали маленькие серые мокрицы, я всегда боялась их раздавить, – зачем-то уточнила я.

– Слезы из глаз катятся, когда слышишь, в каких ужасных условиях кое-кто провел первые годы жизни… – простонала Марта. – Тараканы! Мокрицы!!! Твои родители оборудовали под квартиру землянку? Или вы жили в предбаннике канализационного коллектора?

– Мы жили в обычной московской квартире! – возмутилась я. – Тараканы бывают у всех!

– Боюсь их до дрожи, – передернулась Карц. – Меня из роддома принесли в пентхаус, туда насекомые не добирались.

Мне захотелось схватить ноутбук Димона и запустить им в голову наглой Карц. Она врет! Двадцать пять лет назад, а нашей светской львице никак не меньше четверти века, в Москве никто и понятия не имел, что такое чердак, переделанный под жилье.

– Ну-ка, все замолчали! – приказал Чеслав. – И за работу!

– Но почему я? – вырвался у меня вопль отчаяния. – Я абсолютно не разбираюсь в зверях и никогда достоверно не сыграю роль Айболита!

Марта тоненько засмеялась:

– Я категорически не гожусь на роль человека, ставящего клистир жирафу. Гри в командировке, а Димон работает в офисе. Кто остается?

К моим щекам прилил жар.

– А я, по твоему мнению, родилась с клизмой в руке…

– Марта, Татьяна, прекратите! – гаркнул Чеслав.

– Иес, босс, – изобразила ужас Карц. Но не удержалась, добавила: – Она первая начала!

– Врет! – подпрыгнула я.

Чеслав поморщился.

– Зоопсихолог не ветеринар. Татьяна, изучи документы и почитай брошюрку, которая приложена к бумагам. Зоопсихология пока не очень востребована,

большого количества литературы по данной теме нет, ты запросто справишься с этой ролью.

– И что мне делать в зоопарке? – грустно уточнила я, представив, какой отвратительный запах там стоит.

Марта захлопала в ладоши.

– Расскажешь обезьянкам о комплексах Эдипа и Электры, проведешь с ними курс психотерапии. Ты сама посещала психолога?

– Нет, – призналась я.

– Ничего особенного, – пустилась в пояснения Карц. – Расспросишь мартышек об их детстве, об отношениях с родителями, сексуальном опыте. Запомни главное: девочка всегда ревнует папу к маме, а мальчик наоборот, отсюда все наши беды. Скажем, родители не уделяли детке внимания, вот она и не смогла создать свою семью. Особый смысл имеют сны. Лезешь на гору – значит, хочешь трахаться, открываешь холодильник – испытываешь сексуальный голод, убиваешь врага – высвобождаешь скрытые сексуальные обиды. Одним словом, все от недотраха. Думаю, у мартышек те же проблемы.

Неожиданно Чеслав рассмеялся.

– Марта, ты неподражаема! Учение Зигмунда Фрейда в двух словах!

– Вот пусть она и отправляется к Кнабе, – воспользовалась я моментом.

Карц, придирчиво изучая состояние лака на ногтях, возразила:

– Нет, меня туда запускать опасно. Миша слишком лакомый кусочек, приберу его к рукам, стану госпожой Кнабе, брошу службу, Чеславу придется искать нового человека, а меня заменить трудно. В общем, Танюша, в зооуголке у олигарха тебе работать, госпожу Сергееву можно спокойно внедрить куда угодно, ее не соблазнить, потому что...

Марта на секунду примолкла, а я, великолепно понимая, что сейчас Карц завершит свое выступление словами «она толстая и не умеет хорошо одеваться», вцепилась в сиденье стула. Чеслав прав, коллегам не стоит бурно выяснять отношения, офис не место для склок, но нельзя же разрешать Карц безнаказанно хамить! Пусть начальник сколько угодно злится на меня, но я сейчас дам отпор нахалке...

Однако я не успела даже рот открыть.

Марта улыбнулась и нежно завершила:

– Потому что у нее замечательный муж и никто другой, даже султан Брунея, ей не нужен. А я, старая дева с неустроенной судьбой, постоянно нахожусь на низком старте в поисках женихов.

От неожиданности я громко икнула, но решила предпринять последнюю попытку отвертеться от роли душеведа крокодилов.

– Вдруг кому-то из зверей действительно понадобится зоопсихолог? Я не смогу оказать помощь животному, оно погибнет.

Чеслав нахмурился, а Марта возразила:

– Тебя же не ветеринаром берут. Думаю, Кнабе зоопсихолога для понта приглашает, чтобы при удобном случае небрежно заявить: «У меня в питомнике с обезьянами гештальттерапией занимаются».

Непонятный термин «гештальттерапия» окончательно выбил меня из седла, а Чеслав забарабанил по столу пальцами и приказал:

– Ну хватит спорить! Пора за работу!

И вот я стою перед ажурными воротами, за которыми простирается широкая въездная аллея, окаймленная кустами роз. Похоже, Герман Кнабе тратит целое состояние на садовников, таких пышных цветов я еще не встречала. Но как попасть внутрь? В поле зрения нет ни домофона, ни калитки, ни камер!

Я еще раз полюбовалась на свое отражение в зеркальце, сунула пудреницу в сумочку и потрясла створку ворот.

– Частное владение, вход закрыт, – сообщил из ниоткуда мужской голос, – периметр под охраной.

Я обрадовалась. Значит, я ничего не перепутала, прибыла в нужное место.

– Меня зовут Татьяна Кауфман, я буду работать у вас зоопсихологом, как пройти в питомник?

– Следуйте вдоль изгороди до калитки с табличкой «Служебный вход», – бесстрастно прозвучало сверху.

– А куда идти – направо или налево? – не поняла я.

– В восточном направлении, – уточнил невидимый собеседник.

– Извините, я не знаю, где восток, – чувствуя себя полной дурой, пробормотала я. – Помню лишь, что там встает солнце, но сейчас, когда оно вовсю сияет в небе, я не могу сориентироваться.

– Вы в курсе, где у вас правая рука? – почти по-человечески поинтересовался охранник.

Поняв, что произвела на секьюрити сногсшибательное впечатление, я усиленно закивала. А страж ворот предложил:

– Поднимите ее.

Я выполнила приказ, и за ним незамедлительно последовал новый:

– Теперь установите руку параллельно поверхности земли.

На секунду я растерялась, но потом опустила руку до уровня плеч.

– Идите туда, куда указывают пальцы. Ясно?

– Так точно, – отрапортовала я и порысила вдоль железной изгороди: нехорошо в первый день опаздывать на службу.

Калитка нашлась метров через сто. Рядом был небольшой кирпичный домик, а в нем парень с автоматом. Он тщательно изучил мой паспорт, выдал бейджик красного цвета и проинструктировал:

– Пропуск нужно носить на груди слева. Вы допущены только в красную зону, не заходите на синюю или желтую.

– А где они? – заикнулась я.

– На месте объяснят, – весьма нелюбезно заткнул меня охранник. – Сейчас шагай по аллее, увидишь дом с вывеской «Зоопарк», там и спрашивай подробности.

Я поспешила в указанном направлении. От запаха роз кружилась голова. Сначала дорожка слегка извивалась, затем сделала резкий поворот влево, и впереди я увидела светлое здание. У меня отлегло от сердца, значит, я не опоздаю, до начала работы осталось еще пятнадцать минут. И тут я заметила внезапно появившееся животное.

Сначала я решила, что это пони, который удрал из конюшни. Но когда существо приблизилось, я поняла: это пес, по сравнению с которым знаменитая собака Баскервилей покажется милым щеночком. Огромное тело, покрытое короткой серо-черной шерстью, несли высоченные лапы, на вытянутой морде, напоминающей комод моей бабушки, сидели маленькие невыразительные глазки, зато зубы в пасти сверкали нешуточные: острые и длинные, они выглядели жутко.

– Ой, мама! – взвизгнула я и тут же сообразила, что совершила глупость.

Если бы я сумела сдержать эмоции, монстр с большой долей вероятности продефилировал бы мимо по своим делам, но звук моего голоса заставил псину замереть. Я хотела удрать, но деваться было решительно некуда: по бокам аллейки розовели цветами и топорщились шипами густо посаженные кусты, а

нестись назад к будке охраны пустая затея, собачища легко настигнет и загрызет меня. Да еще от ужаса меня словно парализовало.

Чудовище издало то ли кашель, то ли стон и потрусило в мою сторону. В ту секунду, когда до моего носа долетел его запах, я наконец отмерла и заорала на всю округу:

– Караул! Спасите!

Мохнатое туша вздрогнула, длинные лапы подогнулись, чудовище присело, потом завалилось на бок и притихло. Мне стало еще страшнее! Похоже, эта овчарко-пони решила взять незнакомку измором. Иначе зачем она улеглась поперек аллеи? Чуть поодаль послышался шум, из-за поворота выехала на непонятной тарантайке женщина лет сорока. Она стояла на небольшой платформе, держась обеими руками за длинную, торчавшую вверх, никелированную ручку. Наклонив ее в сторону, тетка остановила аппарат, шагнула на землю и бросилась к монстру с вопросом:

– Емеля! Тебе плохо?

Глава 3

Я удивилась странному поведению служащей, которая вместо того, чтобы помочь испуганной посетительнице, ринулась к псине. А потом тетка стала наскакивать на меня, тупо повторяя один и тот же вопрос:

– Что вы сделали с Емелей?

Я разозлилась и резко ответила:

– Ничего!

– От ничего он никогда в обморок не падает! – гневно топнула ногой женщина.

Я покосилась на красный бейджик с именем «Валерия», прикрепленный к ее блузке, и, взяв себя в руки, приветливо сказала:

– Здравствуйте, меня зовут Татьяна, я ваш новый зоопсихолог. А кто такой Емеля?

– Зоопсихолог? – переспросила Валерия. – Ух ты! Мне о вас говорили! Емеля – ирландский волкодав. Вы его напугали, вот бедняжка и лишился чувств.

– Хотите сказать, что пес размером с бетономешалку рухнул в обморок при виде меня? – с недоверием уточнила я.

– Так ведь здесь больше никого нет, – пояснила Валерия. – Наш Емеля невероятно чувствительный. Раньше постоянно терял сознание при виде кузнечиков, лягушек или мышей, а теперь слегка успокоился, грохается в обморок лишь тогда, когда видит нечто по-настоящему ужасное…

Я молча слушала Валерию. Интересно, с кем перепутал меня нежный волкодав? Кого я ему напомнила – крысу-мутанта? Жену человека-пингвина? Дочь всех гоблинов? Или, учитывая расцветку моего сарафана, божью коровку размера кинг-сайз?

Валерия вдруг замолчала, потом хихикнула.

– Давай знакомиться. Лера, ветеринар. Я вовсе не хотела сказать, что Емеля перетрухал, увидев тебя. Я иногда ляпну глупость, а потом оцениваю ее по достоинству, и мне становится неудобно.

– Со мной часто такое случается, – улыбнулась я.

– Ты не кричала? – прищурилась Лера.

– Было дело, – призналась я, – звала на помощь.

– Это все объясняет, – кивнула Валерия. – Емеля не переносит громкого голоса, сразу с копыт валится. Можешь объяснить сей факт как зоопсихолог? С точки зрения ветеринарии здоровью волкодава можно позавидовать.

На секунду я растерялась, но потом вспомнила Марту и заявила:

– Вероятные причины кроются в детстве Емели, когда он, возможно, был лишен родительской заботы и испытывал ревность по отношению к отцу. Но за секунду диагноз трудно поставить, предстоит кропотливая работа.

Валерия восхищенно зацокала языком.

– Здорово. А где обучают на зоопсихолога?

– В МГУ, – прогундосила я.

– У тебя насморк? – встрепенулась Валерия. – Тогда быстро иди домой, не дай бог занесешь нам заразу.

– Я абсолютно здорова, – успокоила я Леру.

– Почему тогда в нос говоришь? – подозрительно спросила ветеринар.

– Емеля сильно потом пахнет, – призналась я, – вот я и задерживаю дыхание.

Валерия звонко чихнула.

– Собаки не потеют. Волкодав, похоже, купался в пруду, это запашок от мокрой шерсти.

Я поспешила оправдать свою безграмотность.

– Я изучала только характер животных, совершенно не знакома с их физиологией.

Емеля приподнял голову и тихонечко тявкнул.

– Вставай, солнышко, – засюсюкала Лера, – не бойся, лапуля, это Таня, она своя, тебя не тронет.

Волкодав встал, его здоровенная голова оказалась на уровне моей груди.

– Чего стоишь? Погладь мальчика, – приказала мне Лера.

– Он не укусит? – предусмотрительно поинтересовалась я.

– Скорей ты его цапнешь, – прошептала Валерия. – Ну, давай, Емеля ждет, не обижай его.

Мои родители не держали животных. Мама была уверена, что у всех собак есть блохи, а кошки могут напасть ночью на спящих хозяев и расцарапать их до смерти. Всякие мыши, крыски, хомяки и морские свинки даже не рассматривались, при одном упоминании о грызунах у матери начиналась истерика. Да и я, кстати, не испытывала желания заводить четвероногого друга. Это может показаться странным, но к собакам я до сегодняшнего дня практически никогда не прикасалась.

– Эй, не спи! – снова окликнула меня Лера. – Неужели зоопсихолог боится животных?

Я поняла, что моя легенда под угрозой, и быстро нашла объяснение своему поведению.

– Я ехала в метро, а потом в маршрутке, руки не мыла. Разве можно трогать Емелю? Не дай бог занесу ему вирус.

– Очень приятно иметь дело с понимающим и аккуратным специалистом, – обрадовалась Лера. – Ну, пошли!

Через час, влив в себя пятую чашку отдающего сеном чая, я была посвящена в местные порядки. Служащих в поместье много, но охрана сделала все, чтобы они не пересекались, для чего и была введена система цветных бейджей. Красные имеют сотрудники зооцентра, им разрешено ходить только по своей территории, синие карточки носят садовники и дворники, эти товарищи свободно перемещаются по поместью, но не имеют права доступа в хозяйский дом. А вот обладатели желтых пропусков являются белой костью – это горничные, шоферы, кухарки, короче говоря, персонал, соприкасающийся

непосредственно с семьей Кнабе. Элита задирает нос, с «синими» и «красными» не общается. Охрана ходит исключительно в форме, и подчиняться ей следует беспрекословно. Прикажет секьюрити стоять или лечь в лужу, нужно молча повиноваться, иначе моментально лишишься работы. На службу предписано являться за полчаса до звонка, дабы успеть переодеться в униформу. Без спецодежды и пропусков ходят хозяева и узкий круг их приближенных.

Еще Валерия меня предупредила:

– Не дай бог налетишь на господ! Случится такое – замри на месте, опусти глаза и стой, не шевелясь. Если к тебе обратятся, отвечай вежливо. Но упаси тебя господь первой разговор завести, вылетишь вон, как пробка из бутылки с шампанским. Год назад отсюда Зину Кравчук выперли, хотя она отличный ветеринар, хирург, гомеопат, животных обожала. Ее даже Лаура Карловна, экономка, любила, по имени-отчеству величала, к остальным-то она «Машка, Петька, Ванька» обращается, а к ней: Зинаида Львовна. Знаешь почему Зину турнули?

Я пожала плечами.

– Конечно, нет.

Лера понизила голос.

– Она случайно с самим старшим Кнабе столкнулась и попросила его маршрутку для рабочих к автобусной остановке отправлять. Машины не у всех имеются, большинство на автобусе ездит, а потом семь километров от деревни до поместья пехом тащится. Летом еще ничего, а зимой страшно! Герман Вольфович ничего не сказал, даже не моргнул, но на следующее утро Зины в зоопарке уже не было, приехал другой доктор. За ночь вопрос решили. Самое смешное, что Зинаиду-то Кнабе выпер, а через неделю маршрутку пустил, она теперь утром-вечером ходит, безлошадный народ до рейсового автобуса подвозит. Здорово?

– Похоже на концлагерь, – резюмировала я.

– Ни на секундочку, – не согласилась Лера. – Подумаешь, не разрешают по всей территории шастать и в дом лезть. Мне бы тоже не понравились посторонние в

гостиной или в саду. Оклады здесь хорошие, есть социальный пакет, отпуск оплачивают, на Новый год и ко дню рождения премию дают. А то, что Кнабе с нами не обнимаются, так и не надо, мы на разных полюсах живем. Чем меньше соприкасаемся, тем лучше. Хватит, слишком много информации для первого дня, ты тут погуляй, осмотрись, а около часа приходи в столовую, я тебя с нашими познакомлю.

– Спасибо, – кивнула я. – А где она находится?

Лера попыталась объяснить дорогу, потом отказалась от этой затеи и попросила:

– Говори свой мобильный!

Я вынула из сумки блокнот, пролистнула странички, продиктовала номер и решила объяснить свое поведение:

– Вечно забываю собственной номер! Глупо, конечно, но приходится лезть в записи.

– Ничего странного, – не удивилась Валерия, – сама-то себе ведь не звонишь.

На самом деле я не жалуюсь на память, да только Чеслав выдал мне новую сим-карту. Номер зарегистрирован на Татьяну Кауфман, и, если кто пожелает проверить, никаких проблем не возникнет, но я пока не выучила наизусть комбинацию цифр.

Получив временную свободу, я пошла осматривать зоопарк и обнаружила на территории несколько обезьянок, павлина, страуса, непонятное животное, напоминающее свинку, но с очень длинным носом, небольшого бегемота, который сидел по морду в воде в просторном бассейне, большое количество птиц, зебру. Все звери находились в больших вольерах и сразу оживлялись при виде человека. Вероятно, братьев меньших здесь любили и хорошо кормили, все питомцы выглядели здоровыми и упитанными, и от клеток ничем противным не пахло.

Перестал вонять и увязавшийся за мной Емеля. Не могу сказать, что я пришла в восторг, когда волкодав решил сопровождать меня, но цыкнуть на нервную псину побоялась.

Обойдя часть территории, я наткнулась на ограду с табличкой «Внимание. Хищники. Посторонним вход строго воспрещен» и сочла за благо быстро ретироваться. Мне хотелось вернуться к зданию администрации, но я заблудилась и очутилась совсем в другом месте, около крутого оврага.

– Эй, – повернулась я к Емеле, – ты не знаешь дорогу домой?

Ирландский волкодав чихнул и попытался сунуть свою голову под мою ладонь, он явно хотел приласкаться. Ссориться с псом в отсутствие людей показалось мне опрометчивым, и я, подавив противную дрожь, провела рукой между ушами монстра. Шерсть кобеля оказалась жесткой, сухой и совсем не противной на ощупь.

Емеля довольно фыркнул, и в ту же секунду из моего кармана раздался гудок паровоза. Волкодав завалился на бок – лишился чувств, испугавшись громкого звука. Я сама чуть не рухнула на гравий, но вовремя сообразила: ожил новый телефон. Наверное, Лера горит желанием объяснить мне дорогу в столовую, пока больше никому из местных мой номер неизвестен. Сев возле отключившегося Емели, я уже без всякого страха начала гладить его по загривку, сказав в трубку:

– Слушаю.

– Где можно купить отпугиватель от дивана? – заорал визгливый голос.

Вопрос был настолько странным, что я растерянно спросила:

– Кого?

– Отпугиватель от дивана! Че непонятного? Хочу его опрыскать, штоб не приближался. А то развалится и пачкает подушки, – зачастила женщина.

– Хотите облить диван, чтобы к нему не приближалась кошка? – осенило меня.

– Нет у нас котов, – прозвучало в ответ, – мужа хочу отвадить. Соседка приобрела отпугиватель для крупных собак, обпшикала софу, теперь ее Николай перед теликом не лежит, обивку не царапает. Ну, давайте телефон! Эй, справочная!

– Простите, – отмерла я, – вы не туда попали.

– Так какого черта ты попусту трепалась? – взвыла баба и отсоединилась.

Я положила трубку в карман. Надо же, отпугиватель от дивана! Первый раз слышу о подобной штуке. Но почему супруг этой женщины царапает ногтями подушки? Вероятно, дама уже приобрела отпугиватель от холодильника и бедный муж корчится в голодных судорогах. Ей не приходило в голову накормить несчастного, а потом отправить его сделать маникюр?

Емеля приоткрыл один глаз и грозно рыкнул, потом щелкнул зубами... Я, испугавшись, отдернула руку, потеряла равновесие, упала и покатилась по склону оврага, безуспешно пытаясь уцепиться за попадающиеся по дороге кусты...

По лицу текла вода, я села, открыла глаза и не поняла, где нахожусь. Слева стоит садовая скамейка, на ней лежат спицы с вязаньем, а надо мной с открытой бутылкой минералки наклонилась девушка в светло-сером платье.

– Вам лучше? – заботливо спросила она. – Я хотела вас поднять, чтобы вы не простудились, но...

Незнакомка деликатно замолчала, я закончила фразу за нее:

– Но я слишком толстая, а подъемного крана под рукой не нашлось.

– Типа того, – кивнула девушка.

– Зато не переломала кости, – закряхтела я, вставая на ноги, – во всем есть польза. Можно посижу с вами пару минут, приду в себя?

– Конечно, – согласилась незнакомка. – А что случилось?

Я рассказала про странное поведение Емели и свой испуг.

– Наверное, пес очнулся и не сообразил, что с ним, – вздохнула девушка, – а вы кто?

– Таня Кауфман, зоопсихолог, сегодня мой первый рабочий день, – представилась я.

Девушка улыбнулась.

– Майя, горничная.

– У вас нет бейджика, – удивилась я.

– Он мне не нужен, – спокойно ответила прислуга, – я везде хожу беспрепятственно. Сейчас у меня свободное время, вот и решила отдохнуть.

– И тут я в прямом смысле слова свалилась вам на голову!

Майя засмеялась.

– Сначала я испугалась, подумала, что вы умерли. Так сопели, когда катились! А потом легли и не встаете...

– Вообще-то трупы тихие, не издают никаких звуков, – уточнила я.

– Ну да, – согласилась Майя, – так ведь это уже когда человек умер!

– Вы здорово вяжете, – перевела я разговор на другую тему.

– Просто балуюсь, – отмела комплимент Майя. – Вот Лаура Карловна, та просто художественные вещи крючком делает, кружева. И быстро так!

Новая знакомая начала вязать, демонстрируя скорость Лауры Карловны. На пальце девушки ярко вспыхнул камень в тоненьком колечке, на которое попал луч солнца, больше никаких украшений на Майе не было.

Я обрадовалась неожиданной удаче.

– Вы служите в доме у господина Кнабе?

Майя кивнула. Она явно не хотела продолжать беседу, но я горела желанием получить информацию.

– Говорят, Эрика лежит в коме...

Майя сложила рукоделие в корзинку, буркнула коротко:

– Я пойду.

– Извините за назойливое любопытство, – попыталась я исправить положение.

Майя поморщилась.

– Нам запрещено говорить о хозяевах. Ой! – вдруг вскрикнула она.

– Что с вами? – насторожилась я.

– Тошнит, – прошептала девушка и согнулась пополам.

Глава 4

– Может, ты беременна? – предположила я, когда Майя, переведя дух, схватила бутылку с водой.

– Исключено, – отмела предположение горничная.

– Отравилась некачественной едой? – выдвинула я иную версию.

– Маловероятно, – покачала головой Майя. – У Кнабе отличная повариха, продукты свежие, я ем то же, что и хозяева. Наверное, грипп подцепила, говорят, он внезапно начинается.

– Нужно срочно обратиться к врачу! Сделать анализы, рентген легких, мало ли какая зараза вокруг витает… Хочешь, дам тебе координаты отличного доктора? – забеспокоилась я.

– Да ладно, и так пройдет, – не согласилась Майя. – Побегу на службу.

– Проводить тебя? – предложила я.

– Спасибо, сама дойду, – ответила Майя. – К тому же у тебя красный пропуск.

– Совсем забыла, – пробормотала я.

Горничная сделала пару шагов и схватилась за дерево, я бросилась к ней.

– Тебя плохо?

– Земля и небо местами меняются, – еле слышно прошептала девушка, – меня просто штормит.

– Давай забудем про цвет бейджей и пойдем в сторону хозяйского дома! – воскликнула я. – Куда идти? Надо подняться из оврага на дорожку?

– Нет, – простонала Майя, безуспешно пытаясь выпрямиться, – сейчас налево… там сосна… потом вниз… ой… не могу пошевелиться… каждый шаг в желудке отдается…

Я окинула субтильную фигурку девушки оценивающим взглядом и поняла: хоть Майя и весит вполовину меньше меня, но я не смогу нести девушку. Кто-то толкнул меня в спину, от неожиданности я вскрикнула, обернулась и увидела стремительно падающего на траву Емелю. В голове моментально родилась идея.

– Сейчас пес очнется, и ты попытаешься сесть на него, а я буду тебя держать. Не боишься собак?

– Емелю… нет… – с трудом выдавила из себя Майя.

Когда пес вскочил на лапы, я предприняла попытку устроить на его спине Майю, но из этого ничего не вышло.

– Давай на тебя обопрусь, – уже чуть более бодрым голосом предложила горничная.

– Тебе лучше? – обрадовалась я.

– Да, – кивнула Майя.

Очень медленно мы доплелись до большого дома, украшенного колоннадой из белого камня, и тут Майя упала на лужайку. Перепугавшись, я бросилась в особняк, распахнула незапертую дверь и закричала:

– Помогите! Кто-нибудь! Подойдите сюда!

Послышался пронзительный визг, из-за мраморных фигур у подножия широкой лестницы, ведущей наверх, вылетел крохотный комок серо-черной шерсти. Не успела я ахнуть, как это существо подпрыгнуло, вцепилось в мою юбку, ловко вскарабкалось до пояса, затем, слегка царапая меня острыми коготками, взобралось по блузке и прижалось к шее. Я чуть не исполнила любимый трюк Емели, ноги уже подломились в коленях, но в тот момент, когда я была готова завалиться на бок, послышался возмущенный женский голос:

– Безобразие! Кто разрешил орать тут сиреной?

Я схватила ком из шерсти с когтями, но оторвать неведомое животное от кофты не удалось, зато я удержалась в вертикальном положении.

– Как вы сюда попали? – спросил низкий голос.

Я обернулась и увидела худую девушку, одетую в обтягивающее платье из тонкого черного трикотажа. Впервые в жизни мне пришло в голову, что худоба может быть некрасивой. Незнакомка походила на ручку от швабры, – там, где у нормального человека находится живот, у нее выпирали острые кости, а ребра просвечивали сквозь одежду.

– Как вы сюда попали? – уже с меньшим раздражением повторила девчонка. – Ведь, судя по цвету пропуска, вы работаете в зоопарке.

– Горничной Майе стало дурно в саду. Я довела ее до дома, но она упала на лужайке. Простите, что нарушила правила, ей очень плохо, – забормотала я.

Девица, не тратя времени на лишние слова, побежала во двор, я последовала за ней, пытаясь на ходу избавиться от комка шерсти, вцепившегося в мою блузку.

Майя лежала, свернувшись клубочком, из носа и рта у нее текла кровь, а лоб, щеки и шея приобрели бордово-синюшный оттенок.

– Что с ней? – прошептала я.

«Швабра» взяла висевшую у нее на поясе трубку и коротко приказала:

– Немедленно пришли на Жасминовую лужайку Константина. А ты сядь на скамейку и приклейся!

Последняя фраза адресовалась мне. Ошалев от неожиданного развития событий, я плюхнулась на деревянную лавку, стоявшую в паре метров от неподвижно лежавшей Майи. Комок шерсти у основания моей шеи неожиданно заурчал, я попробовала снять его, вновь потерпела неудачу и решила покориться судьбе.

Минут через пять на газоне появился стройный парень в светлой рубашке с короткими рукавами. «Швабра» явно не была хозяйкой дома, потому что сейчас отчитывалась перед кем-то по телефону и одновременно пыталась беседовать с мачо.

– Костя, глянь, куда сел Генза! – крикнула вдруг она.

Парень окинул меня цепким взглядом и поманил пальцем.

– Эй, шлепай в дом, да поаккуратней, не разбей чего в холле. Тебе надо войти в первую дверь налево после прихожей. Подожди в малой гостиной.

Обижаться на хамское обращение показалось мне бессмысленным, я покорно потрусила в здание, добралась до «малой гостиной», которая оказалась пятидесятиметровым залом, заставленным вычурной позолоченной мебелью. Посмотрела на стулья, диваны, кресла, обитые белым бархатом с золотым шнуром, и, не рискнув осквернить своим задом помпезные сиденья, осталась стоять. Нервы были натянуты, как леска, на которой повисла акула, поэтому, когда из кармана неожиданно завыл паровоз, я дернулась и случайно уронила на пол вазу. Слава богу, та не разбилась, угодила на толстый ковер и осталась цела.

Быстро вернув ее на прежнее место, я схватила трубку и услышала каркающий мужской голос:

– Можно заказать билет на поезд Москва – Нью-Йорк?

– Нет, – ответила я.

– Почему?

– Вы ошиблись номером, – объяснила я.

– Вот блин! – с чувством произнес дядька и отсоединился.

Я не успела положить телефон на его законное место, как он вновь ожил и из него понеслось то же карканье:

– Мне нужен билет Москва – Нью-Йорк, нижняя полка, желательно по ходу движения поезда.

– Вы опять попали ко мне, – устало ответила я.

– А на фиг трубку хватать? – обозлился звонивший. – Позови нормального менеджера!

– Здесь его нет, – мрачно уточнила я.

– Что, все психи? – заржал дядька. – Эй, очнись!

«Самый большой идиот тот, кто хочет добраться от столицы России до Америки поездом», – хотела было съязвить я, но не стала озвучивать фразу. Похоже, на мой номер позвонил сумасшедший, надо спокойно от него отделаться.

– Вам нужно воспользоваться самолетом, это намного быстрее будет, – ответила я, – позвоните в другую кассу.

– Никогда! – взвизгнул собеседник. – Я болею аэрографией!

– Какое отношение нанесение рисунков на машины имеет к полету на самолете? – удивилась я.

– Ты дура? Я аэрограф, – прокаркал мужик, – поэтому ищи мне билет на поезд.

– У вас аэрофобия! – осенило меня. – Вы перепутали слова.

– Не выжучивайся, а делай свою работу, – повысил голос безумный турист. – Я не брошу трубку, пока не получу билет.

И ведь действительно не отстанет…

– Вам на какое число? – прикинулась я кассиршей.

– Хочу уехать завтра.

Нет, дядя точно больной на голову! Все россияне прекрасно знают: как только начинается лето, билеты исчезают из продажи. Заботиться о проездном документе надо за сорок пять суток до поездки.

– Увы, завтра не получится, – возразила я.

– А на когда есть? – не сдавал идиот.

Очевидно, он сидит один дома, его не выпускают на улицу, а телефон у безумца не отняли. Надо сделать так, чтобы он ко мне больше не приставал.

– Хорошо, раз вы страдаете аэрофобией, я выпишу вам билет из резервного фонда, – лихо соврала я.

– Отлично! – возликовал псих.

– Ваши имя, фамилия, отчество… – продолжала я играть роль кассира.

– Юрий Алексеевич Гагарин, – донеслось из трубки.

– Вот чудеса! – выпала я из роли. – Когда же у вас аэрофобия началась?

– Совсем не смешно! – заухал психопат. – Поюмори еще, без работы останешься.

Окончательно убедившись в ненормальности звонившего, я быстро извинилась:

– Простите. Я выписала вам билет на имя Юрия Алексеевича Гагарина, поезд Москва – Нью-Йорк, нижняя полка. Ждите, билет доставят с курьером.

– Ромка! Триста баксов мои! – завопил вдруг мужчина. – Девушка, вас как зовут?

– Татьяна, – ответила я, ничего не понимая.

– Танюшечка! Киска! Чмок-чмок! – завизжал в полном восторге идиот. – Умница! Красавица! Я выиграл три сотняшки гринов! Мы с Ромкой поспорили. Он сказал: «Нет на свете дуры, которая продаст билет на поезд от Москвы до Нью-Йорка, да еще выпишет его на имя Юрия Гагарина». А я утверждал, что есть. И теперь баксики-шмаксики мои! Эй, Танюха, ты тут? Справочная, ку-ку!

– Да, – сквозь зубы ответила я. – Ваш номер телефона определился и уже передается в милицию.

– А мы звоним из автомата. – Шутник заржал и отсоединился.

Кипя от негодования, я запихнула мобильный в карман. Попала в дурацкую ситуацию исключительно из-за своей деликатности! Не решилась обидеть психа, хотела избавиться от него не травмирующим его кривое сознание способом, и вот результат! Если кретин еще раз позвонит, я не стану его щадить. Кстати, сегодня второй раз люди ошибаются номером и обращаются ко мне, как к сотруднице справочной службы. Почему вдруг?

Дверь в комнату распахнулась, в гостиную вошла пожилая дама, одетая в шелковую темно-сиреневую блузку, клетчатую юбку и лодочки на небольшом каблуке.

– Вы Таня Кауфман? – приветливо улыбаясь, спросила она.

Я кивнула.

– Лаура Карловна, – представилась дама. – Вижу, Генза нашел себе наконец маму! Вы, как зоопсихолог, должны понимать проблемы рукохвоста.

Боясь быть разоблаченной, я поцокала языком и постаралась изобразить озабоченность.

– О да, у рукохвоста много проблем!

– Наш Генза чуть не умер, – подхватила Лаура Карловна, – и тут появились вы. Невероятная удача! Честно говоря, я боялась, что мы его потеряем.

Дверь скрипнула, в гостиную заглянул мужчина.

– Простите. Лаура Карловна, без вас никак!

Дама встала.

– Танечка, побудьте здесь еще немного. Хотите чаю? Печенье? Кекс?

– Огромное спасибо, но я пытаюсь похудеть, – призналась я.

– Ни в коем случае не садитесь на диету, – почему-то испугалась Лаура, – вы изумительно выглядите, правда, Юра?

– Как скажете, Лаура Карловна, – ответила голова и исчезла.

– Сейчас вернусь, – подмигнула мне дама, – и сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться. Оно связано с Гензой. Вы же любите рукохвостов?

Вопрос прозвучал риторически, Лауре Карловне не требовалось ответа, уверенной походкой дама вышла за дверь, и я услышала ее командный удаляющийся голос.

– Безобразие! Позовите еще Никиту!

Я схватила телефон и соединилась с Коробковым.

– Слушаю, – непривычно серьезно ответил хакер.

– Немедленно скажи, кто такой рукохвост! – потребовала я.

– Таняш, ты?

– А кто еще? Быстро лезь в Интернет.

– Номер незнакомый определился, – забубнил Коробков.

– У меня телефон на имя Кауфман, для работы, – пояснила я. – Лучше нарой что-нибудь про животное, а то сейчас Лаура вернется, и я провалю задание.

– Рукохвост большеглазый[2 - Животное придумано автором, который не исключает возможности, что на земном шаре все же водится некто, похожий на

Гензу.], вымирающий вид, обитает исключительно в малодоступных местах, на берегах Амазонки, ведет скрытный образ жизни...

– Найди про его мать! – перебила я Димона. – Быстрее! Его мать!

– Не знал, что ты умеешь ругаться, – укоризненно сказал Коробок.

Я начала закипать.

– Необходимо выяснить...

Но Коробков, не слушая меня, продолжал вываливать информацию:

– Как правило, у рукохвоста появляется один детеныш, которого самка оставляет в укромном месте. Новорожденный спит около месяца и во время спячки не пьет, не ест. Когда малышу исполняется четыре недели, он начинает искать мать. Найдя самку, рукохвост прикрепляется у нее на груди, и та кормит ребенка плодами, кореньями, зернами. Причем родственные связи не имеют никакого значения. Рукохвостиха примет любого детеныша. До сих пор неизвестно, каким образом месячная особь отличает самок от самцов. Известны случаи, когда малышей выкармливали обезьяны. Если детеныш в течение двух недель после пробуждения не находит мать или его отвергает женская часть стаи, он погибает. Это необъяснимый факт, но до достижения четырехлетнего возраста особь, способная самостоятельно есть и не нуждающаяся в материнском молоке, не может существовать автономно. Очевидно, контакт с матерью необходим для социализации и служит не столько этапом вскармливания, сколько методом воспитания. Не известно ни одного случая рождения рукохвоста в неволе. Среди зоопарков мира только московский может похвастаться семьями рукохвостов. Экземпляры, обитающие в частных питомниках, не учтены. Предполагается, что сейчас на земном шаре существует не более двухсот рукохвостов, их отлов запрещен. А зачем тебе знать про зверушку? – полюбопытствовал хакер.

Дверь в гостиную открылась, я быстро сунула телефон в карман и навесила на лицо скучающее выражение.

– Все же я прихватила чаёк, – закурлыкала Лаура Карловна, ставя на стол поднос с кружками. – Вам зеленый? Черный?

– Лучше обычный, – улыбнулась я.

Лаура Карловна округлила глаза и зачем-то пояснила:

– Лично мне зеленый напоминает раствор мыла. Очень уж пахучий и вкус специфический. Сахар?

Пощебетав минуту на тему излишней калорийности сладких напитков, мы с Лаурой уставились друг на друга. Светские церемонии исчерпали себя, настала пора конкретного разговора.

Лаура Карловна вынула из нагрудного кармана блузки симпатичную брошь: в середине перламутр, по краям темно-красные гранаты.

– Надеюсь, вы примете наше предложение, поэтому я сразу захватила пропуск.

– Пропуск? – не сдержала я удивления. – Я думала, это ювелирное украшение!

Лаура Карловна подперла подбородок кулаком.

– Вы правы, такая брошь украсит любое платье и будет уместна и на работе, и на вечеринке. Дизайн придумал сам Герман Вольфович, а у него безупречный вкус. Но тем не менее это особый пропуск. Их всего два, один у меня, другой теперь будет у вас.

Я машинально посмотрела на шелковую блузу собеседницы, та моментально отследила мой взгляд.

– Конечно, мне нет необходимости подтверждать свое право на перемещение по поместью, но я знакома с каждым человеком из обслуги и охраны. А вы новое лицо. Значит, так: едва служащий заметит брошь, он обязан оказать вам почет и уважение, а также выполнить любую, даже самую абсурдную вашу просьбу. Отныне, Татьяна, вы дорогой гость в любом помещении! Госпоже Кауфман предоставят лучшую комнату. Не во флигеле!

Наверное, в моих глазах промелькнуло недоумение, потому что Лаура Карловна пустилась в более пространные объяснения:

– Дом состоит из центральной части, где обитают Герман Вольфович, Михаил и ваша покорная слуга, еще есть два флигеля, правый для прислуги, левый для охраны. Вы не обслуживающий персонал, можете питаться с нами в столовой, если вас это смущает, еду доставят в вашу комнату. Теперь о размере зарплаты…

Изящная рука Лауры Карловны, украшенная кольцом с большим бриллиантом, пододвинула к себе блокнот, лежавший на столе, и написала цифру.

Я была ошеломлена.

– Кажется, вы приписали лишний ноль!

– Нет, – протянула пожилая дама, – за честный труд – достойный оклад, такова позиция Германа Вольфовича. Поэтому люди у нас работают по многу лет.

– Чем я заслужила столь значимые привилегии? – потупила я взор.

Лаура склонила голову к плечу.

– Герман Вольфович обожает животных. Он с юности мечтал стать ветеринаром, основать собственный зоопарк, поддерживать исчезающие виды, вести научную работу. Но его отец, Вольф Кнабе, не одобрял мечты сына и пожелал, чтобы он стал экономистом, защитил кандидатскую диссертацию. В советские времена научная карьера считалась престижной и денежной. Герман не мог ослушаться отца. И тот оказался прав, в начале девяностых младшему Кнабе очень пригодились полученные в институте знания. Герман заработал большой капитал и с тех пор только увеличивал свое состояние. Сейчас хозяин ворочает огромным бизнесом, но в отличие от многих богачей, которые снимают стресс при помощи алкоголя, наркотиков или беспорядочных связей, господин Кнабе отводит душу в своем зоопарке. Он воплотил в жизнь детскую мечту, устроил питомник, в котором ведется научно-исследовательская работа. Еще Герман Вольфович снаряжает экспедиции. Некоторое время назад ему привезли самку рукохвоста с детенышем. Хозяин ждал этого, как пятилетний малыш подарка от Деда Мороза. Еще не видя подопечных, он назвал их Гензель и Гретель. Вы, как

девочка из порядочной немецкой семьи, конечно же, слышали об этих персонажах.

Я быстро кивнула. Слава богу, у меня филологическое образование, а в детстве я очень любила читать сказки народов мира, поэтому отлично помню историю про мальчика Гензеля и девочку Гретель, которые попали к злой колдунье, но сумели выбраться от нее живыми.

Рассказчица понизила голос:

– К сожалению, Гретель умерла на третий день пребывания в имении. Никто не смог определить причину ее смерти. Гензель остался один, ему необходимо было в кратчайший срок найти маму.

Я решила блеснуть эрудицией.

– Детеныши рукохвоста погибают без родительского присмотра.

– Великолепно! – похвалила меня Лаура Карловна. – Герман Вольфович действовал решительно. Лучшей воспитательницей для рукохвоста является обезьяна. Но... К кому мы только не пытались подсадить Гензеля, все было бесполезно. Мартышки выражали желание пригреть сироту, но Генза не шел к ним в руки. Он не ел, не пил, не спал, только кричал так жалобно-пронзительно, что весь дом лишился покоя. Гензу жалел даже наш начальник охраны, а я всегда считала, что у полковника Рыбалко вместо сердца автомат Калашникова. Страдания Гензы могли заставить плакать камни. Герман Вольфович приказал не останавливаться ни перед какими расходами и найти подходящую обезьяну. Но, увы, увы, увы...

Глаза дамы увлажнились слезами.

– Несчастного Гензу ждала судьба Гретель, ведь в столь юном возрасте рукохвост принимает пищу только из лап матери. Генза умирал от голода, а нам никак не удавалось найти мартышку, макаку, шимпанзе, орангутана... В конце концов Валерия, наш главный ветеринар, сказала, что раз Гретель отличалась полнотой, вероятно, Гензель хочет породниться с толстой обезьяной. Герман Вольфович отдал приказ искать ожиревшую особь, и тут, на наше счастье, появились вы. Генза сразу принял вас за маму! Похоже, он сейчас счастлив,

мирно спит. Бедняжка настрадался в сиротстве!

У меня отвисла челюсть. Ну как, скажите, отнестись мне к словам о том, что я явилась для рукохвоста эталоном матери, толстой до безобразия мартышки? Или макаки. Простите, я не разбираюсь в приматах, для меня они все на одно лицо... то есть морду. Нет, кошку от собаки и жирафа от ежа я отличить смогу, но, кто гиббон, а кто орангутан, никогда не скажу.

– Вы абсолютно не похожи на обезьяну, – заюлила Лаура Карловна, заметив мою оторопь. – Ну ничего общего! Хотя человекообразные милейшие, умнейшие, чудеснейшие существа.

– Угу, – кивнула я, постепенно приходя в себя.

– От вас исходит доброта, нежность, – чирикала дама, – Генза увидел светлую душу. Вы ведь не бросите его? Работа не покажется вам обременительной – надо просто кормить Гензу и говорить ему ласковые слова. За это у вас будет оклад, премия, еда, подарки, лучшая комната. Поймите, Гензель господину Кнабе буквально как сын... Дорогая! Солнышко! Живите у нас, как у себя дома!

Я насторожилась.

– Мне нельзя будет выезжать в город?

– А Гензель? Он же теперь с вас не слезет, – «утешила» меня Лаура Карловна. – Но вам здесь понравится! И зачем ездить в Москву? Детей у вас нет, мужа тоже...

Я отвела глаза в сторону. Похоже, милейшая дама ходила не по хозяйственным делам, она поторопилась навести о зоопсихологе справки.

– Мы непременно с вами подружимся, – убаюкивала экономка новоиспеченную «мать», – вас воспитывали немцы, считайте, что мы родственники. Кстати, на ужин будет кухен мит ербзен. Наверное, ваша матушка его тоже готовила?

– Мои родители обрусели, они даже не обучили меня языку предков, – вспомнила я инструкции Чеслава.

– Это название блюда – пирог с зеленым горошком, – всплеснула руками Лаура Карловна. – Жаль, что вы растеряли традиции. Но ничего, я передам вам свой опыт. Ну как? Вы согласны?

Я попыталась быстро просчитать в уме все «за» и «против». Явным плюсом является получение брошки, дарующей возможность беспрепятственно перемещаться по дому и поместью. Простому сотруднику зоопарка не выйти из красной зоны, в новой же роли я смогу тщательно изучить особняк, засуну нос во все норки и щели. Хорошее отношение к «маме» Гензеля со стороны хозяина и экономки гарантирует мне свободу действий. А любые свои поступки, даже самые странные, я буду объяснять капризами воспитанника. Отчего до двух ночи я бродила по парку? Это было желание рукохвоста, который пинал маменьку до тех пор, пока та не скумекала: сыночек хочет подышать свежим воздухом.

К сожалению, минусов больше. Придется сидеть в поместье, таскать на груди Гензеля, заботиться о нем и...

– Если рукохвост начнет активно питаться, то куда он будет девать отходы жизнедеятельности? – с испугом спросила я.

– Не волнуйтесь, – тошнотворно сладким, словно мед с вареньем, голосом сказала Лаура Карловна, – у него есть замечательные маленькие памперсы, сделанные по заказу самого Германа Вольфовича. Ну? Да? Подписываетесь?

Я продолжала колебаться. С одной стороны, так плотно внедриться в семью Кнабе Чеслав и не мечтал, с другой – непонятно сколько времени мне придется провести в имении. Навряд ли таинственно пропавшую Варвару Богданову приведут в столовую к завтраку. Дом огромен, парк, переходящий в лес, кажется бескрайним, не один день пройдет, пока все там обшаришь!

– Солнышко, – тихо и уже без излишней сладости в голосе сказала Лаура Карловна, – заставить вас я не могу, но, если вы покинете Гензеля, он умрет.

В ту же секунду кучка меха пошевелилась, я невольно опустила взгляд на свою грудь и увидела крохотную мордочку с огромными печальными карими глазами, окаймленными густыми длинными ресницами, и у меня помимо воли вырвалось:

– Согласна.

– Лапочка! – засверкала улыбкой Лаура Карловна. – Спасительница!

Глава 5

Сказать, что меня окружили заботой и вниманием, это значит не сказать ничего. Лаура Карловна долго водила новоиспеченную мать Гензеля по дому, объясняя:

– Слева библиотека, справа каминная, впереди зимний сад, за поворотом столовая, гостиная для членов семьи, гостиная для людей, курительная...

Наверное, следовало бы уточнить, чем члены семьи отличаются от людей и зачем им отдельная гостиная, но я предпочла не задавать лишних вопросов. Потом мне устроили экскурсию по парку. Обедать вместе с Кнабе я отказалась, сославшись на усталость.

– Как хотите, солнышко, – кивнула экономка, – Надя принесет вам еду в спальню.

Когда Лаура Карловна ушла, я наконец-то осталась одна в отведенных мне палатах размером не меньше ста квадратных метров. Здесь было все необходимое: кровать под балдахином, напротив нее – плазменная панель, рядом две тумбочки с настольными лампами, а чуть поодаль три кресла, два дивана, письменный стол, торшер, парочка консолей, комодов и дверь, ведущая в ванную.

Санузел поразил меня роскошью – утопленная в пол чаша, скорее даже мини-бассейн, гигантский мойдодыр, зеркала, душевая кабинка, два кресла, несколько халатов, гора полотенец разного размера, домашние тапочки персикового цвета, запечатанная в пакет зубная щетка, розовый пипифакс, источавший аромат клубники, унитаз, смахивающий на трон, и невероятное количество пузырьков, флаконов, баночек, тюбиков и пластиковых емкостей с косметикой и парфюмерией.

Не в силах сдержать любопытства, я начала изучать ассортимент и поняла, что до сих пор мылась, как неандерталец, выдавливая на губку простой гель. А тут! «Бархатное мыло для шеи», «Очищающий мусс для груди», «Пенка для живота и спины», «Скраб со вкусом корицы»! Последний прибамбас меня удивил, я же не собираюсь лакомиться, так сказать, полировочным средством, на этикетке лучше было бы написать «с ароматом корицы».

Неожиданно мне захотелось спать. Долгое пребывание на свежем воздухе утомило. Я вернулась в комнату и легла на кровать. Отдохну полчасика, а потом обдумаю свои дальнейшие действия…

– Можно войти? – донесся издалека звонкий голос.

– Да, конечно, – крикнула я и села.

Посмотрела на часы – десять вечера. Ну и ну! Хотела подремать чуток, а продрыхла допоздна. Вот так на меня повлиял деревенский кислород.

Дверь распахнулась, на пороге появилась та самая «швабра» с подносом в руках.

– Велено вам еду подать, – кланяясь, сказала она. – Если что не так, звоните по местному телефону на кухню, номер двенадцать. Меня зовут Надя, я старшая горничная.

– Огромное спасибо, – откликнулась я. – Да тут ужин на роту солдат и чая ведро! Присаживайся за компанию.

Надя отступила к двери.

– Нам запрещено мешать гостям. Извините, но правила строгие.

– В комнате, кроме нас, никого нет, – начала я соблазнять горничную.

– Все равно, – не поддалась девушка, – не положено.

– Я хотела задать тебе пару вопросов, – призналась я.

– Отвечу, если сумею, – кивнула Надя.

– Лаура Карловна здесь экономка, да? – приступила я к допросу.

Надя одернула черное платье.

– Она тут вместо хозяйки. Сначала служила няней у Михаила Германовича, а когда жена господина Кнабе умерла, стала всем бытом командовать. Без Лауры Карловны по дому даже мышь не пробежит, у нее сто глаз и по десять пар рук и ног. Думаешь, что она в библиотеке, глядь, из каминной вылетает.

– Извини за назойливое любопытство, – продолжала я, – но я никого здесь не знаю и не хочу совершить оплошность. Давно умерла жена хозяина?

Наденька сложила руки под белым передником.

– Точно не скажу, если хотите узнать историю Кнабе, они ничего не скрывают, в библиотеке на пюпитре лежит рисунок… дерево… э… э…

– Генеалогическое древо, – пришла я на помощь девушке.

Та улыбнулась.

– Точно.

– В доме есть места, куда нельзя заходить?

Наденька вздернула брови.

– Наверное, в котельную соваться не надо: там бойлер, котлы, фильтры для воды, электрогенераторы на случай отключения света. Да и Павел Михайлович никого туда не пустит. Это наш механик, он по технике главный.

– Я имела в виду жилые помещения, – уточнила я. – Не дай бог влезу куда, еще отругают!

– Мы везде моем, убираем, чистим, – покачала головой Надя, – в дверях ключи торчат, но никто их не запирает. Ходите куда заблагорассудится. Хотите совет?

– С удовольствием приму его.

Горничная переступила с ноги на ногу.

– Имейте в виду, что Герман Вольфович не любит, если к нему с пустыми вопросами лезут. Мы его половину убираем, когда он уезжает. Еще Михаил Германович в мастерской посторонних не терпит, вон не прогонит, но такую рожу скорчит, что сама уйдешь. Мы у него даже полов не моем. Там грязи! Краски размазаны, кисти валяются... И всегда ласково гладьте животных. Их здесь много шастает, собаки, кошки. Попугаи в зимнем саду живут, по дому не летают. Главный в стае Емеля. Он хозяйский любимчик. Правда, сейчас Кнабе больше о Гензеле волнуется. Рукохвост очень редкий вид!

Я испытала разочарование. Если Варвару держат в доме, то запрет на вход в одно из помещений сразу указал бы, где искать девушку. А тут полная свобода, даже в хозяйские покои можно заглянуть, надо лишь дождаться, когда Герман уедет на службу, – и в добрый путь!

– Значит, путь везде открыт? – на всякий случай переспросила я.

– Ага, – по-детски подтвердила Надя. – По первости вы в коридорах путаться будете, но потом привыкнете.

– А подвал? Здесь есть цокольный этаж?

– В нем бильярдная, баня, бассейн, – перечислила девушка. – Прислуге плавать нельзя, а вам можно. Еще есть зал для фитнеса, но там только Михаил Германович занимается, запрется и бегает по дорожке.

– Наверное, и гараж устроен? – предположила я.

Надя снисходительно улыбнулась.

– Конечно. Парковок несколько: хозяйская, наша, для зоопарка и гостевая. На автомобилях по имению передвигаться нельзя, все машины, кроме господских, у ворот остаются.

– Территория парка огромная, – вздохнула я. – Дом стоит в центре участка, далековато туда-сюда бегать.

Горничная поправила аккуратно заколотые волосы.

– Мы на велосипедах или на электроплатформах разъезжаем, это очень удобно и для здоровья полезно. А еще есть короткий путь к воротам, по боковой аллейке за три минуты дойдешь.

– Ясно, – в глубоком разочаровании протянула я, – спасибо, ты очень мне помогла.

Надя улыбнулась.

– Можно теперь мне спросить?

– Конечно, что угодно.

– У Анны Степановны, поварихи, Кузьма идиотничает. Не посмотрите? Может, он заболел? – просительно взглянула на меня прислуга.

– Я зоопсихолог, пытаюсь корректировать поведение животных, – объяснила я, – лечить людей не умею.

– Так Кузьма собака, – уточнила Надя. – Между нами говоря, полный идиот, но Анна Степановна его обожает. Она, как узнала, что в дом профессора по зверским мозгам наняли, прямо размечталась Кузю вам показать. Тетя Аня готова за визит заплатить.

Если хочешь узнать домашние тайны, лучше всего подружиться с прислугой. Как правило, люди не обращают внимания на домработниц, официантов, доставщиков пиццы и разных мастеров, чинящих телевизоры, кондиционеры или розетки. Человек в спецовке превращается в невидимку. Сколько раз мне

приходилось задавать свидетелям вопрос:

– Кто приходил в квартиру?

И столько же раз я слышала в ответ:

– Никого не видел.

Но если продолжить допрос, то в конце концов выяснишь, что приходил слесарь или почтальон.

Едва начав работать в группе у Чеслава, я возмущалась и выговаривала людям:

– Ну почему вы сразу не сообщили про сантехника?

Но теперь знаю: не сказали о визите сотрудника жэка потому, что он рабочий, его не воспринимают как постороннего. И это огромная ошибка! Говорят, что даже стены имеют уши, а тихие девушки, подающие вам чай, обладают еще и длинными языками. Вот угадайте, какое любимое занятие у горничных? Сплетничать о хозяевах! И хорошо, если своей страсти они предаются только в своем коллективе, не выносят сор из избы за ворота.

Я встала.

– Пошли.

– Ой, какая вы милая! – восхитилась Надя.

Когда Анна Степановна, дородная тетка, облаченная, несмотря на душный вечер, в платье из тонкой шерсти, сообразила, что видит перед собой зоопсихолога, ее толстые щеки приобрели бордовый оттенок.

– Уж извините, я беспокоюсь за Кузю, – забормотала повариха, – гляньте на него, пока спит. Тут он, в кладовочке, в холодке пристроился.

В моей душе шевельнулось беспокойство.

– Пес агрессивен?

– Ласковый, как теленочек, – засмеялась Анна Степановна, – нежный, лижется с каждым.

Но я не теряла бдительности.

– Почему тогда надо смотреть на собаку во время отдыха?

Анна Степановна вытерла мокрые руки о полотенце.

– Так Кузя во сне блажит. Словами не объяснить… Вон там дверка со стеклом, и если вы постоите немного, непременно увидите.

Я покорно подошла к створке, средняя часть которой была выполнена из стекла, и стала изучать внутренность небольшого чулана. Вдоль стен тянутся стеллажи, на полках стоят пакеты и банки, а посреди помещения на боку лежит длинный пес рыжего цвета с короткими лапами и массивной головой, украшенной круглыми ушами-локаторами. Отдельного описания требовал хвост, более похожий на опахало, он как бы жил своей жизнью: Кузя мирно спал, даже через закрытую дверь было слышно упоенное похрапывание, а пушистый отросток двигался из стороны в сторону, иногда поднимаясь и застывая торчком.

– Никогда не видела подобную собаку, – призналась я. – Это что за порода?

Анна Степановна гордо вскинула подбородок:

– Асфальтовая эскимосская борзая. Очень редкая, уникальная.

– И где вы откопали данный экземпляр? – сдерживая смех, спросила я.

– На Птичке, – спокойно пояснила повариха. – Хозяева отдали щеночка в хорошие руки за сто баксов. Во, смотрите, начинается!

Я сосредоточила внимание на Кузе. Короткие, чуть ли не десятисантиметровые лапы «борзой» начали подрагивать, потом зашевелились, задергались…

– Чего это с ним? – схватила меня за плечо повариха.

– Сон дурной приснился, – предположила я.

Крошечные лапки Кузи заторопились, теперь в движение пришла спина, из горла собаки стали вырываться повизгивание, потявкивание, поскуливание.

– Ой, плохо ему! – запричитала Надя. – Весь извелся!

Я решила утешить горничную.

– Вероятно, он объелся на ночь.

– Только мисочку каши с мясом употребил, – всхлипнула Анна Степановна, – кефирчиком запил. С такого желудку не тяжело.

– Я дала ему творогу со сметаной, – неохотно призналась Надя. – А еще он коробку пастилы спер и съел.

– Ночные кошмары – удел обжор, – резюмировала я.

В ту же секунду пес вскочил на лапы, ринулся вперед и протаранил головой стеллаж с продуктами. Несколько пакетов разорвалось, и «асфальтовую борзую» осыпало дождем из риса, гречки, макаронных перьев. Кузя сел и открыл глаза, в его взоре явно читалось здоровое недоумение: где я? Что случилось?

– Видели? – всхлипнула Анна Степановна.

Я откашлялась. Нельзя сейчас ударить в грязь лицом, если я не смогу успокоить повариху, она за завтрашний день разнесет по поместью весть: зоопсихолог – плохой специалист. Напустив на себя ученый вид, я ровным голосом завела:

– Кузьма сирота, он был рано оторван от матери. Его эго не успело сформироваться с достаточной зрелостью. Сон пробуждает подсознание, дает толчок мечтам Кузи, он пытается поймать мать, чтобы получить заряд эмоций, но не достигает цели, отсюда и неконтролируемые движения.

– Вау! – прошептала Надя. – Я таких понятиев не знаю!

Анна Степановна покосилась на девушку.

– Где бы тебе, двоечнице, их услышать? Слово «корова» неправильно пишешь, вот и убираешь за другими грязь. А как Кузе помочь? – спросила она у меня.

Я наморщила лоб.

– Необходимо понаблюдать за объектом. Пока я могу лишь посоветовать укладывать пса спать в другом месте. Думаю, вам неудобно вычесывать из его шерсти крупу и макаронные изделия.

– Чайку попьете? – засуетилась кухарка.

С поварихой и горничной мы расстались друзьями около полуночи. Я пообещала провести с Кузей в свободное время сеансы психотерапии, а Анна Степановна пригласила меня в любое время заглядывать на кухню.

В свою комнату я решила идти без провожатых, надо же учиться ориентироваться в лабиринтах особняка. Довольно быстро я дошла, как мне показалось, до двери в спальню, толкнула ее, вошла внутрь и тут же поняла, что ошиблась: вместо собственной комнаты я очутилась в бельевой кладовой. Я собралась выйти в коридор, но вдруг за дверью послышался тихий голос:

– Лучше взять мешок для химчистки, он плотный.

Испугавшись непонятно чего, я юркнула в глубь узкого помещения и спряталась за огромные тюки, приготовленные к отправке в прачечную.

Глава 6

Вошедшие, судя по голосам, явно мужчины, не стали включать верхний свет. Я не видела их лиц, унюхала лишь сильный запах весьма специфического

мужского одеколона, въедливого, тяжелого, и услышала диалог:

– Где эти чертовы мешки?

– Слева вроде.

– Ни фига тут нет.

– Смотри внимательно.

– Не вижу! А, вон наверху...

– Нет, там пластиковые.

– И че?

– Брезентуха нужна.

– Какая разница, она мелкая.

– Слушай, у нас не своевольничают и мои приказы выполняют.

– И глупые тоже?

– Вот, блин, взялся на мою голову. Приказ есть приказ.

Послышался шум и сочный шлепок.

– Тише! – шикнул более густой бас. – Не дай бог разбудишь кого.

– Тупо все устроено, – не замедлил возразить другой парень. – Почему мешка нет в бельевой?

– Заткнись!

– Просто интересно.

– Откуда ты такой взялся? – повторил другой.

– Из училища, – бойко прозвучало в ответ. – Влад Карпухин, лучший выпускник, красный диплом. Надо бы все здесь переделать, не по уму устроено. Не по логике!

– Тебя спросить забыли, – огрызнулся бас. – Во, нашел, хватай!

– Давай два возьмем.

– Велено один.

– Какого хрена!

– Если еще раз выругаешься, штрафану!

– Ты – меня?

– Конечно.

– Своего товарища?

– Правила существуют для всех, и то, что ты Влад Карпухин с красным дипломом, тебе не поможет. К тому же мы не приятели, я твой начальник.

– Понял, молчу, – обиженно засопел выпускник училища.

До моих ушей донеслись шуршание, сопение, тяжелый звук шагов и хлопок двери. Я вылезла из-за тюков, отряхнулась, вышла из кладовки и двинулась вперед. Через несколько шагов коридор закончился окном, я посмотрела в него и замерла.

Передо мной находилась небольшая лужайка, посреди которой стояло странное устройство: большие колеса, платформа с рулем и одним сиденьем. Около

повозки суетились две темные фигуры. Они наклонялись, копошились и в конце концов подняли с земли и бросили на машину мешок. Один сел за руль, другой устроился около тюка, и парни бесшумно покатили по аллее в сторону леса.

Мне отчего-то стало страшно, и я побежала назад, тщетно пытаясь найти путь на кухню. Вроде вот тут я сворачивала налево, значит, теперь нужно взять правее. Я ринулась в этом направлении, но внезапно поняла, что забрела туда, куда раньше не заглядывала. Мягкая ковровая дорожка элегантного бежевого цвета оборвалась, я шлепала по полу, выложенному дешевой плиткой, а дубовые резные двери сменили белые из дешевого пластика. На каждой имелся номер и табличка с фамилией. Вероятно, я попала во флигель, где жили горничные – на всех табличках стояли женские фамилии и имена.

Поняв, что окончательно заблудилась, я загрустила и решила, наплевав на приличия, попросить помощи у кого-то из аборигенов, надо лишь сообразить, кто еще не спит. Как это определить? Да очень просто!

Я наклонилась и стала изучать щели под дверями. Темно, темно, темно, а вот и тонкий луч света. Надпись на табличке гласила: «Майя Лобачева», и я обрадовалась. «Майя» не очень распространенное имя, совершенно случайно мне удалось набрести на комнату знакомой девушки. Надеюсь, ей стало лучше. Сначала я поскреблась в филенку, потом осторожно постучала, затем приоткрыла дверь и прошептала:

– Майя, не пугайся, это Таня, зоопсихолог. Как ты себя чувствуешь?

Ответа не последовало, я вошла в небольшую спаленку. Герман Вольфович явно пожмотничал, обставляя помещение для прислуги, здесь была самая простая мебель из дешевого сетевого магазина. Никаких излишеств: узкая кровать, тумбочка, стул, шкаф и небольшой столик. Ни ковра, ни телевизора, ни полки с книгами, ни мягких игрушек, ничего из того, чем любят окружать себя девушки. Комнатушка походила на номер дешевого отеля, а не на женскую спальню. И Майи здесь не оказалось. Я в растерянности огляделась по сторонам.

Постель не смята, на стуле аккуратно висит халат, туфли стоят на подставке у двери, на тумбочке с крохотным ночником лежат две сережки с синими камешками, небольшой медальон и простенькие электронные часы.

– Майя… – прошептал кто-то за моей спиной, – ты тут разве? Нам сказали, что тебя в больницу увезли!

От неожиданности я с размаху села на кровать. В спальню ввинтилась крепко сбитая блондинка в сером халате.

– Ты не Майя! – ахнула она и зажала рот ладонью.

– Меня зовут Таня, – поспешила я представиться. – Извините, если вас напугала. Меня только сегодня взяли на работу, вот я и заплутала в коридорах. Зашла сюда, хотела спросить у Майи дорогу.

Незнакомка шумно выдохнула и убрала руку с лица.

– Если ты только нанялась, откуда про Майю знаешь?

– Мы встретились на лужайке. Ей плохо стало, я помогла Майе дойти до особняка, – ответила я, но собеседница не потеряла бдительности.

– Во флигеле нет пустых комнат, куда тебя поселили?

– В центральной части дома, в гостевой, – пояснила я.

Девушка скорчила гримаску.

– Не бреши! Наши живут в пристройке.

– Ты про Гензу слышала? – задала я вопрос.

Горничная поежилась.

– Он так орет! А еще говорят, зверушка страшная.

Я неожиданно обиделась.

– Генза вовсе не урод! Он милый, тихий. Хочешь посмотреть? Меня наняли его мамой.

– А-а-а, – протянула служанка, – ты зоопсихиатр.

– Психолог, – поправила я. – А как тебя зовут?

– Роза, – представилась девица. – Понятно, почему тебя в гостевой устроили. Для Лауры Генза внучок родной, своих-то у нее не будет.

– Как мне попасть в центральную часть здания? – спросила я.

– Иди в главный коридор, затем налево, через два поворота направо…

– Будь добра, проводи меня, – попросила я.

– Нет, не хочу, – замотала головой девчонка, – лень.

Я показала на брошку, прикрепленную к блузке.

– Лаура Карловна предупредила, что мне все обязаны помогать.

Роза изменилась в лице.

– Да, пойдемте.

Я отметила, что невоспитанная девушка сразу позабыла о бесцеремонном «ты», и поняла, что совершила ошибку. Роза сообщит товаркам о конфликтном характере зоопсихолога и никто не захочет водить со мной дружбу. А мне нужны добрые отношения со всеми, проживающими в имении.

– Впрочем, если ты устала, то ложись спать, – попыталась я исправить положение.

Роза насупилась.

– Вы пожалуетесь Лауре Карловне, и мне влетит.

– Я не стукачка!

Горничная прищурилась.

– Вы…

Не договорив, девушка замерла.

– Тебе плохо? – насторожилась я.

– Ш-ш-ш, – прошипела Роза.

– Что такое? – заволновалась я.

– Звук! Слышишь?

– Где? – не поняла я.

– В воздухе, – еле слышно пролепетала Роза. – Бежим! Скорей! Он пришел!

Паника заразительна, как зевота. Не понимая, кто куда пришел и почему нужно спешно улепетывать, я бросилась следом за Розой, которая неслась по коридору, почти не касаясь ногами пола. В тишине мы достигли туалета, влетели в кабинку и заперлись на щеколду. Роза обвалилась на унитаз.

– Объясни, что происходит, – потребовала я.

Девушка дернула меня за рукав, потом одними губами произнесла:

– Блямканье!

Я попыталась уловить означенный звук и спустя пару мгновений поняла, что откуда-то исходит мелодичный звон.

– У страха глаза велики, – погладила я Розу по плечу. – От сквозняка колышутся китайские колокольчики, их часто вешают в проеме двери. Неужели ты не видела такую феньку в магазинах?

– Шаги, – добавила Роза, – и барабан.

– Бум-бум-бум… – мерно разнеслось по коридору, – бум-бум-бум…

Меня охватило беспокойство.

– Что происходит?

– Клаус… – еле дыша ответила Роза. – Клаус пришел! Отче наш… спаси и сохрани… Если Клаус меня не тронет, обещаю никогда больше не брать у Ленки духи без спроса! Не стану пинать Емелю! Буду лучше всех! Милый боженька, уведи Клауса!

Я вжалась в стену кабинки. Можно было бы посчитать Розу ненормальной, но колокольчик в коридоре звенел отчетливо, барабанная дробь не утихала, и за тонкой створкой явно кто-то двигался.

Роза закрыла лицо руками и скрючилась на унитазе, я присела на корточки и обняла девушку. Генза, уютно устроившийся у меня на груди, начал ерзать под кофтой, очевидно, рукохвосту пришлись не по вкусу резкие духи горничной.

Не могу сказать, сколько времени мы провели в сортире. В конце концов я опомнилась, с трудом встала и приказала Розе:

– Пошли!

– Куда? – прошелестела та.

– В спальню, ты в свою, а я в свою.

– Нет! – вцепилась в стульчак девушка. – Не сдвинусь с места. У тебя часы есть? Шесть уже пробило?

– Думаю, сейчас около двух или того меньше, – вздохнула я.

– До рассвета нельзя выходить, – тряслась Роза. – Клаус исчезнет лишь после восхода солнца.

– Да кто он такой? – разозлилась я и услышала восхитительный ответ:

– Клаус – это Клаус.

– Ладно, ты здесь ночуй, а я хочу провести время в удобной кровати, – заявила я.

– Клаус убивает людей, – прошептала Роза, – насмерть.

– Навряд ли мужчина тронет мать Гензеля, – сдерживая нервный смех, ответила я. – Лауре Карловне это не понравится, думаю, она быстро расправится с Клаусом.

– Он не мужчина, он Клаус, – глядя в одну точку, бормотала Роза. – Нельзя даже высовываться! Смерть идет!

Я потрясла головой, приказав себе сохранять хладнокровие. Звон исходил от колокольчиков, а дробь, похожую на барабанную, скорей всего производили пластиковые тапки. Кто-то шел из душа и шлепал по плитке: тук-тук, бум-бум. Слабо верится в таинственное существо, убивающее встречных. Думаю, Роза увлекается романами Стивена Кинга, фильмами про Фредди Крюгера, отсюда и ее экзальтированность. Но я-то здравомыслящий человек!

Когда я распахнула дверь кабинки, Роза судорожно задышала, но я все равно ушла, решив завтра непременно найти Надю и посоветовать ей отправить горничную к невропатологу. Совсем необязательно накачивать дурочку сильнодействующими таблетками, достаточно настойки валерьянки или пустырника.

Безо всяких приключений я вернулась к двери Майи, обнаружила, что через щель по-прежнему пробивается луч света, и со словами:

– Прости за бесцеремонный поздний визит, – вошла в спаленку.

Комната по-прежнему была пуста, но в ней произошли изменения. За то время, что я тряслась в компании с Розой в сортире, кто-то унес одежду и украшения горничной. Уборщик не забыл и туфли. Никакого следа пребывания Майи Лобачевой не осталось и в помине. Лишь тусклая лампочка, которую, уходя, забыли погасить, напоминала о том, что недавно здесь кто-то жил.

Я машинально погладила рукохвоста, поняла, что этот жест неожиданно успокоил меня, и быстро направилась в центральную часть дома.

Глава 7

Генза разбудил «маму» в семь: начал ворочаться и попискивать. Я села на кровати и попыталась отцепить малыша от груди. Куда там! Крошка держался лапами словно приклеенный.

– Хочу принять душ! – категорично сказала я.

Генза издал странный звук.

– Будем считать, что ты меня понял, – одобрила я, – посидишь на кровати, я скоро вернусь.

Но очередная попытка временно избавиться от сыночка не принесла успеха.

Я схватила телефон и соединилась с Коробковым.

– Нас утро встречает прохладой, нас солнцем встречает прибой, – заорал Димон, – любимая, что ж ты, зараза, трезвонишь, нарушив покой?

– Как купаются обезьяны? – спросила я.

– В смысле? – оторопел Коробков. – Наверное, в воде!

– И где они ее берут?

– Понятия не имею. Может, в луже? – предположил Коробок.

– Так поинтересуйся! – рявкнула я.

– Йес, мэм! Не убивайте, босс! Нашел, цитирую: «Общей бедой обезьян являются паразиты, и, чтобы избавиться от них, члены стаи катаются в песке или принимают грязевые ванны».

Перспектива натираться жидкой грязью не вызвала у меня энтузиазма, барахтаться в песке тоже не хотелось.

– Формулирую вопрос иначе: если я пойду в душ, Генза не заболеет?

– Оставь пацана в комнате, – посоветовал Димон.

– Он не отлипает, – пояснила я и, так и не добившись от Коробкова полезного совета, рискнула залезть под теплую струю вместе с рукохвостом.

Генза вел себя безупречно во время водной процедуры, он смешно фыркал, жмурился, но ни на секунду не отпустил меня. Когда я, закутавшись в халат, вернулась в комнату, на столе уже был сервирован завтрак. На подносе блестел кофейник, стояли блюдце с тостами и масленка, на серебряной тарелке розовели сосиски, горничная не забыла мюсли, творог, сметану, мед, джем. В доме Кнабе явно не соблюдали диету. Особняком стояла вазочка с мелко нарезанными овощами – корм для рукохвоста.

Я предложила Гензелю морковку, капусту, сладкий перец, сельдерей, но он не открыл рта.

– Думаешь, я стану тебя упрашивать слопать ложечку за маму-папу-бабушку? Никогда в жизни! Проголодаешься, сам попросишь, – объявила я и взяла сосиску.

Но не успела поднести ее ко рту, как из халата высунулась крохотная мохнатая лапка и в долю секунды отщипнула от сосиски приличный кусок.

– Стой! – испугалась я. – Эта еда вредна, она состоит из крахмала, консервантов и генноизмененной сои! Животным нельзя даже нюхать ее, сосиски предназначены исключительно для людей! – Но Генза снова выпростал из-под моего халата лапу с трогательно крошечными розовыми пальчиками и ловко оторвал новый кусок.

– Ладно, – сдалась я, – это будет наш общий секрет. Вот только объясни мне, откуда ты узнал, что сосиски съедобны? Сильно сомневаюсь, что на твоей родине растет дерево, плодоносящее сардельками, шпикачками и прочей гастрономией! Или…

Завершить глубокомысленную беседу с Гензой мне не удалось. В дверь деликатно постучали, и я услышала голос Лауры Карловны:

– Танечка, вы проснулись? Можно войти?

– Секундочку, халат накину, – крикнула я в ответ. Схватила мисочку с нарубленными овощами, быстро вытряхнула ее содержимое под подушку и, шепнув Гензе: – Если хочешь в дальнейшем есть вкусную, но вредную пищу, изволь сидеть тихо и улыбаться, – распахнула дверь.

– Как вам спалось? – спросила Лаура Карловна.

Очевидно, главнокомандующая имения встает до рассвета, сейчас она была уже с легким макияжем, в безукоризненно отглаженном, элегантном темно-бордовом платье и с идеальной прической. Может, пожилая дама спит, как японка, подложив под затылок полено, чтобы не помять укладку? Или вскакивает ни свет ни заря и бежит к парикмахеру? Лично я смотрюсь сейчас халдой, на голове прямо-таки воронье гнездо, и мне придется натягивать мятую одежду. Кстати, где она? Только сейчас я сообразила, что оставленные вчера в кресле вещи таинственным образом исчезли.

– Как почивали? – повторила вопрос Лаура Карловна. – Никаких проблем?

– Дела обстоят отлично! – бойко соврала я.

– Правда? – чуть изогнув бровь, поинтересовалась управляющая.

Внутренний голос посоветовал мне не лгать, и я изменила ответ.

– Нет.

– Что случилось? – с хорошо разыгранным изумлением поинтересовалась дама.

– Вчера вечером я запуталась в коридорах, – начала я перечислять свои приключения, – случайно очутилась во флигеле для горничных и… Кто такой Клаус?

Лаура Карловна всплеснула руками.

– Вам уже рассказали? Вот сороки! Надеюсь, вы не верите в эти глупости? Когда Герман Вольфович искал участок под застройку, он мечтал жить в лесу. Целый год господин Кнабе не мог найти хорошее место, но вдруг наткнулся на умершую деревню Харитоновку и понял: поместье будет здесь. Из прежних жителей оставался один Степан, который наотрез отказался куда-либо переезжать. Что только Герман не предлагал ему: и квартиру в Москве в любом районе, хоть на Тверской, и дом в Подмосковье… Нет, мужик уперся рогом: останусь в Харитоновке, здесь, мол, мои предки жили, тут я и помру. Одним словом, вредный дед создал проблему. Но семья Кнабе не привыкла отступать! Герман нанял адвокатов, те подняли документы, выяснили точные границы участка Степана и оформили сделку. Мерзкий старик оказался в конечном итоге в наших ближайших соседях и задумал мстить. Он, видите ли, был недоволен, что Харитоновку продали, мечтал в ней отшельником куковать, а тут люди приехали. И ведь мы с ним хотели подружиться! Герман попытался ему продукты посылать из элементарной человеческой жалости, ведь огород Степан не сажает, скотину не держит, пенсия у него наверняка грошовая. Но старик консервы назад принес, заявив: «В подаянии я не нуждаюсь!» Тогда Кнабе предложил конфликтному соседу работу в питомнике, но дед не захотел иметь с ним ничего общего. А потом по имению пополз слух о Клаусе…

Лаура Карловна была самокритична и признала: сообрази она сразу, откуда ветер дует, мигом бы исправила ситуацию. Но экономка не обращала внимания на то, чем занимается прислуга в момент отдыха, а когда выяснилось, что большинство глупых девчонок бегает к Степану, который гадает им и привораживает женихов, было уже поздно, легенда начала передаваться из уст в уста, обрастать немыслимыми подробностями, стала частью местного

фольклора.

Степан с самым честным видом всех уверял, будто раньше на месте Харитоновки было поселение немцев. Якобы во времена своего правления Петр Первый разместил здесь родственников своей любовницы Анны Монс. А когда она наставила самодержцу рога, он приказал казнить всех, кто имел к дрянной бабе отношение. Стрельцы пытались выполнить приказ царя, но каждый раз при набеге на деревню находили ее пустой. Все дело в том, что у крестьян был сторож по имени Клаус, он постоянно следил за округой, а когда замечал вдалеке группу всадников, начинал бить в барабан и звенеть в колокольчики. Поняв, что Клаус всегда начеку, враги подкупили самую красивую девушку Харитоновки Марту, пообещав ей много золота, если та усыпит бдительность Клауса. Жадная Марта прикинулась влюбленной в сторожа и напоила его каким-то зельем. Село осталось без охраны, явились стрельцы и убили всех крестьян, а Марта уехала в неизвестном направлении. Вот с той поры душа Клауса не знает покоя, бродит в том месте, где была Харитоновка. Сторож ищет предательницу Марту. Но Клаус плохо видит, поэтому любую попавшуюся ему на глаза женщину считает изменщицей и убивает, а мужчин он принимает за стрельцов и тоже лишает жизни. Клаус безжалостен и непредсказуем, нельзя узнать заранее, когда призрак появится на территории поместья.

– Похоже, он идиот, раз сообщает о своем прибытии звоном колокольчиков и стуком барабана, – не выдержала я. – Наверное, ему надо купить очки, тогда мститель перестанет нападать на невиновных. И странно, что царь заслал в такую глушь близких Анны Монс, во времена Петра в Харитоновку было долго ехать. Впрочем, чем дальше, тем роднее…

Лаура Карловна расхохоталась.

– В общем, дичайшая история. Но Степан добился своего: наши девицы верят в легенду и, когда нужно пойти в ту часть парка, где, по словам деда, находилась хижина Клауса, падают передо мной на колени и умоляют: «Все, что угодно, сделаю, но туда не посылайте!» Впрочем, парни не лучше, хотя наши бравые охранники изо всех сил скрывают, что побаиваются Клауса. Я и сама порой вздрагиваю, вот до чего довели! Думаю, вдруг это правда?

– Вчера девушка по имени Роза чуть не лишилась сознания от страха, – сказала я. – Так тряслась в туалете!

– Роза, Роза… – пробормотала Лаура. – Ах, Роза! Она младшая горничная, неловкая и косорукая. Я ее в доме дальше коридоров и лестниц не пускаю, если послать в комнаты, непременно что-нибудь разобьет или на место не поставит.

– Я готова поклясться, что отлично слышала звон колокольчиков, барабанную дробь и шаги, – вздохнула я. – Признаюсь, тоже слегка испугалась.

– Безобразие, опять он за свое взялся! Ну на этот раз он легко не отделается! – Возмущенная Лаура Карловна выхватила из кармана нечто, похожее на маленькую рацию, и зачастила в нее: – Костя, немедленно иди сюда! Куда-куда, в Золотую гостевую. Мне плевать, в чем ты, хоть голый, изволь явиться через минуту!

Экономка резко щелкнула крышкой передатчика, шумно выдохнула и с прежним раздражением воскликнула:

– Ладно, ладно, шутничок, погоди!

В дверь деликатно поцарапались, потом из коридора донесся мужской голос.

– Разрешите?

Вероятно, Костя умеет телепортироваться, раз смог за считаные секунды примчаться на зов Лауры Карловны.

Дверь открылась, и сначала в комнату проник запах. Я невольно вздрогнула, уловив аромат парфюма, который впервые унюхала вчера ночью, когда пряталась в бельевой. Затем увидела на пороге того самого парня, который прибежал на лужайку к упавшей Майе. Сегодня он был одет в брезентовый комбинезон, усеянный масляными пятнами.

– Простите, Лаура Карловна, – забасил он, – вы велели бежать в чем есть, поэтому в гостиную я грязным приперся. Батарея потекла? Сейчас инструмент принесу!

Мне стало тревожно, знакомым оказался не только запах, но и голос, это он пытался обучить вчера в кладовой уму-разуму матерившегося Влада Карпухина.

– Хорошее предположение насчет испорченной батареи, – ехидно заметила Лаура. – В июле месяце, в особенности таком жарком, как нынешний, мы всегда топим по полной!

– Не, – помотал головой Костя, – вы, Лаура Карловна, напутали, простите, конечно. Мы в доме котел в мае вырубаем и до сентября не трогаем, если холод не ударит.

– Шутка, – каменным голосом пояснила экономка.

– А-а-а... – облегченно протянул служащий, – здорово, ха-ха-ха! Я про батарею просто так ляпнул, не подумав.

– Я, как и ты, люблю шутить, – тоном, не предвещающим ничего хорошего, сказала пожилая дама. – Где ты вчера был около полуночи?

– Спал, – с самым честным видом соврал Константин.

– Правда? – потемнела лицом Лаура. – Отвечать, глядя мне в глаза! Ну!!!

Даже у меня, ничем не провинившейся перед симпатичной во всех отношениях дамой, затряслись поджилки. Костя с шумом сглотнул слюну.

– Чес-слово! Спросите Владика Карпухина! Мы с ним вместе телик в общей комнате глядели! Фильм про вампиров! У-у-у! – Костя выкатил глаза, оскалил зубы и попытался изобразить графа Дракулу.

По лицу Лауры Карловны скользнуло подобие улыбки.

– Перестань! Вчера ночью по женскому флигелю ходил Клаус.

– О майн готт![3 - О, мой бог (нем.).] – закатил глаза парень.

– Звенел, бил в барабан и перепугал девочек, – продолжала экономка. – Так вот, предупреждаю: если он еще раз появится, его накажут.

– Так точно! – отрапортовал Костя. – Увижу Клауса, сразу ему передам!

Я втянула голову в плечи и попыталась стать невидимкой, что для женщины с немалым весом весьма трудно. С детства боюсь скандалов, и то, что отношения будут бурно выяснять не со мной, никакой роли не играло.

Но Лаура Карловна неожиданно рассмеялась.

– Да уж, сделай одолжение, посоветуй Клаусу не высовываться.

– Йес, босс! – вытянулся в струнку Костя. – Разрешите отбыть?

– Ступай, – махнула она рукой.

Костя сделал поворот через левое плечо и, чеканя шаг, потопал в коридор.

– Безобразник, – покачала головой Лаура Карловна. – Это ведь он горничных пугает. Хохмач! Вечно розыгрыши придумывает, не одно, так другое затеет. Клаус – это его работа.

– Хулиган, – резюмировала я.

Экономка вздернула брови.

– Константин великолепный работник, мастер на все руки, ему одинаково легко что котел починить, что мотор перебрать, что ножи наточить. И он очень честный, преданный семье Кнабе человек, но… молодой, отсюда и озорство. Ничего, повзрослеет – успокоится. Как Генза?

– Замечательно, – сказала я.

Пожилая дама умоляюще сложила руки:

– Можно на него взглянуть? Понимаю все неприличие этой просьбы, но так хочется!

– Любуйтесь на здоровье, – разрешила я.

Старушка сунула нос за оттопыренный ворот моего халата и засюсюкала:

– Ой, он вырос! Мусенька... Солнышко... Чмок-чмок!

Лицо Лауры Карловны приобрело умильное выражение, она протянула руку и попыталась погладить Гензу. В ту же секунду раздался неприличный звук и вскрик старушки. По комнате поплыл ужасный запах. Зажав нос, я бросилась открывать окно, потом обернулась, увидела, что экономка держит на весу окровавленную руку, и кинулась к ней.

– Что случилось?

– Генза меня укусил, – пояснила та. – Никогда не думала, что он способен сделать так больно. А уж вонь!

Я попыталась оправдать «сыночка»:

– Он не нарочно. И такому маленькому пока трудно внушить правила приличного поведения.

– Это инстинкт самосохранения, – кивнула Лаура Карловна. – Рукохвосты ведь сродни скунсам и в минуту опасности испускают смрад.

Я постаралась не измениться в лице. Милая подробность! Надеюсь, мне в воспитанники досталась особь с устойчивой нервной системой, иначе есть риск задохнуться. Может, я зря угостила малыша сосисками? Вероятно, если кормить его овощами и фруктами, он не будет работать химической бомбой.

– И рукохвосты всегда защищают мать, – продолжала Лаура Карловна. – Раз Генза напал на меня, значит, действительно признал вас родительницей. Танечка, вы гений! Может, хотите чего-нибудь особенного?

– Мне нужна одежда и всякие мелочи. Можно их привезет моя подруга? – попросила я.

– Ну, конечно, солнышко, – протянула экономка, – никаких проблем. Звоните приятельнице.

В комнату снова постучали.

– Да! – крикнула Лаура Карловна. – Что надо?

Дверь слегка приоткрылась, и в щелку протиснулась худенькая Надя.

– Простите, извините... – чуть ли не стуча лбом о паркет, начала кланяться старшая горничная. – Я постирала одежду Татьяны, разрешите повесить в шкаф?

– Ну вы тут разбирайтесь, а я пошла, – царственно кивнула экономка и выплыла в коридор.

– Большое спасибо, – улыбнулась я Наде, – право, не стоило беспокоиться!

– Это моя работа, – приветливо отозвалась горничная, – мне совсем не трудно.

– Вы изумительно гладите, – польстила я девушке, – мне ни разу не удавалось привести в порядок «фонарики» на рукавах.

Надя смутилась.

– Пустяки! У нас суперутюг, с поддувом. Лаура Карловна не экономит на приборах, покупает лучшее.

– Вас сегодня ночью не испугал Клаус? – перевела я разговор на интересующую меня тему.

Горничная перекрестилась.

– Вы слышали звон? Ужас!

– Вероятно, кто-то из парней подшучивает над девушками, – улыбнулась я.

Но Надя осталась серьезной.

– Нет, он настоящий!

– Надюша, вы же не верите в сказки, – укорила я прислугу, поглаживая тихо сопящего Гензеля. – Никакого Клауса на самом деле нет. Это все выдумки.

– Ага, в особенности для убитой Нинки, – встрепенулась Надя и тут же захлопнула рот.

Глава 8

– Для убитой Нинки? – переспросила я. – В доме произошло преступление? Кто такая Нина?

Девушка опустила глаза, прошептала:

– Лучше не спрашивайте. О Кондратьевой запрещено говорить.

Я схватила горничную за рукав.

– Мне можно, я тебя не выдам. Все равно узнаю о том, что случилось, и лучше уж ты расскажешь, чем другие соврут!

Надя огляделась по сторонам и вдруг зачастила громко:

– Сейчас вам ванну приготовлю! Любите погорячей? Массажные форсунки включить? Могу спинку потереть, сами до лопаток не дотянетесь...

Продолжая щебетать, горничная поманила меня, и мы вошли в санузел. Надя плотно закрыла дверь, включила душ и села в кресло.

– Тут сплошные доносчики, верить никому нельзя, – горько сказала она. – Все хотят старшей горничной стать и мигом Лауре Карловне про нашу беседу

настучат. Видишь, какие у нас тапки? Чуни на войлочной подошве. Специально такие покупают, чтобы мы не топали, хозяевам не мешали. Здесь целая система штрафов, если нарушаешь правила, очки снимают, могут вон выгнать без выходного пособия и рекомендации. Раньше, когда Эрика нормальной была, девчонки могли ее отловить в парке и поплакаться ей. Эрика единственная, кто с Лаурой спорил, остальные старуху боятся, даже сам Герман Вольфович предпочитает с ней не связываться, Михаила я в расчет не беру. Здесь Лаура главная, но она Эрику очень сильно обожает.

– Погоди! – перебила я Надю. – Слишком много сведений, они в моей голове смешались в винегрет. Я не очень сообразительная.

Надя по-свойски похлопала меня по коленке.

– Ничего, разберешься.

– Михаил и Эрика – дети Германа?

– Да, – подтвердила Надежда.

– Девочек всегда любят больше, – улыбнулась я.

Горничная протяжно вздохнула.

– С Эрикой беда приключилась, она теперь другая. Лаура Карловна думает, что никто не догадывается, но все знают. С медсестрами мы практически не общаемся, они посменно работают. Да только у наших и уши есть, и глаза, иногда Эрику видели. Мне жалко ее, говорят, она… Ой, всего так сразу и не перескажешь!

– А ты попробуй. Помоги мне, пожалуйста, – заныла я. – Видишь ли, зоопсихология интересная наука, но работу найти тяжело, наш народ своей-то душой заниматься не желает, а уж о настроении собак-кошек единицы думают. Ветеринары к нам относятся с недоверием, считают шарлатанами. Признаюсь честно, я счастлива, что очутилась здесь, и потрясена своим удивительным везением: вместо питомника живу в доме, в шикарной комнате, получила исключительные привилегии, ты за мной ухаживаешь… Просто рай! Вот только

страх меня берет: Гензеля выхаживать надо несколько месяцев, а что потом со мной будет? Вытурят в питомник? Или совсем выставят? У меня богатых спонсоров нет, и внешность я имею не модельную, надо самой вертеться...

– Очень хорошо тебя понимаю, – кивнула Надя.

– Поэтому я хочу понравиться Лауре, – заговорщицки зашептала я. – Боюсь совершить неверный шаг, обидеть старушку, сказать глупость. Сейчас она мне улыбается, хочет спасти Гензу, но едва рукохвост подрастет, припомнит «мамочке» все оплошности, и пакуй, Танечка, чемодан. А где еще такую службу найти? Давай дружить, Надюша! Ты мне поможешь, расскажешь об обстановке в доме, а я постараюсь закрепиться при Кнабе, и непременно настанет момент, когда я защищу тебя. Я не стукачка, не сволочь, вместе нам будет легче!

Горничная расправила на коленях платье.

– Идет! Сейчас сориентирую тебя. У меня есть сорок минут до начала уборки.

Я затаила дыхание, и девушка тихо заговорила.

Лаура Карловна нанялась к Кнабе домработницей, еще когда Герман учился в институте. Вольф и Матильда были не богатыми людьми, поэтому Лаура управлялась по хозяйству одна. Когда супруги скончались (а Кнабе ушли на тот свет друг за другом), прислуга не бросила их сына. У Лауры никогда не было ни мужа, ни детей, зато в избытке хватало порядочности и благородства, поэтому она заменила Герману родителей. Ясное дело, юноша не мог платить домработнице, и Лаура Карловна трудилась бесплатно. Очень скоро люди стали считать ее тетей молодого Кнабе.

Потом Герман женился, на свет появился Михаил, затем Эрика. Материальное положение семьи упрочилось, к Кнабе нанялась новая домработница, а Лаура переключилась на воспитание малышей, не забывая держать под контролем прислугу. Супруга Германа забеременела в третий раз, но во время родов что-то пошло не так, и женщина скончалась.

Герман более не женился, ушел с головой в работу, Мишу и Эрику воспитывала Лаура. Благосостояние Кнабе росло, был построен дом в Харитоновке. Лаура Карловна получила в свое распоряжение армию прислуги и дивизион охраны,

Эрика училась на экономиста, Михаил стал художником. Ничто не предвещало несчастья. И вот год назад дочь Германа попала в руки серийного маньяка.

Надя примолкла, а потом, приблизив свое лицо почти вплотную к моему, зашептала:

– Газеты читаешь? Помнишь, писали про урода, который убил двух девушек в парке, а третья жива осталась?

– Нет, – расстроилась я, – не обратила внимания на это сообщение.

– Короче, – зачастила Надюша, – подонок нападал на женщин, душил их кожаным шнурком. Явный садист с отклонениями! Он удавку мочил водой, а потом затягивал на шее несчастных. Соображаешь?

Я вздрогнула:

– Кожа, высыхая, сжималась. Петля медленно сокращалась, девушки умирали долго и мучительно, не имея возможности позвать на помощь!

– Мерзавец! – забыв об осторожности, воскликнула горничная. – Среди его жертв оказалась и Эрика.

Я пришла в ужас.

– С ума сойти...

Надюша кивнула.

– И не говори! Я отлично помню тот день. Эрика с утра дома была, уехала во второй половине дня. Ничего необычного, все нормально, у нее иногда занятия после трех начинались. Потом Костя из усадьбы куда-то отвалил. Лаура Карловна позвала меня белье пересчитать, и мы возились в кладовке. Вдруг у хозяйки телефон зазвонил. Она трубку к уху поднесла и посерела, ничего сказать не может. Я за водой побежала, возвращаюсь, Лаура сидит на полу, плачет. Уж потом нам Костя рассказал: Эрику нашли в парке. Ей повезло – маньяка спугнули, он дочь Кнабе придушил, но руки-ноги связать не успел,

убежал. Эрику обнаружила влюбленная парочка. Парень с девчонкой искали укромное местечко, забрели в заброшенную часть лесопарка, увидели тело, услышали, как кто-то удирает сквозь кусты, но в погоню не кинулись, бросились к жертве…

Похоже, у младшей Кнабе было сразу два ангела-хранителя, никогда не выпускавших подопечную из вида. Мало того, что жаждавшие уединения влюбленные спугнули убийцу, так еще они оказались новоиспеченными медэкспертами, стажерами судебного морга, и действовали грамотно: освободили Эрику от удавки, вызвали специалистов и до приезда «Скорой помощи» делали пострадавшей искусственное дыхание.

Эрика выжила, но почти месяц провела в коме. Герман собрал у постели дочери лучших медиков, врачи, отводя глаза, говорили:

– Делаем, что можем, надежда умирает последней.

Лаура Карловна переселилась в палату. Она разговаривала с девушкой, пела ей песни, читала книги, и в конце концов Эрика пришла в себя.

Это только в кино человек, пролежавший в коме десять лет, вдруг открывает глаза и с воплем «Мама!» бросается на шею той, что плачет у его постели. На самом деле возвращение из небытия тяжелый процесс.

Эрику пришлось обучать всему заново. В дом толпой ходили логопеды, психологи, невропатологи, гипнотизеры, экстрасенсы, массажисты, фитнес-тренеры. Герман оборудовал спортзал, оснастил его тренажерами, на которых дочь заново училась ходить.

Сейчас, когда с момента трагедии прошло более года, Эрика стала похожа на человека. Она гуляет в саду, вспомнила членов семьи, узнает прислугу, которая много лет служит в доме. Эрика не растеряла любви к животным, по-прежнему обожает собак-кошек и прочих четвероногих, часто заглядывает в зоопарк. Выезжать в город ей пока не разрешают врачи, но не так давно Герман Вольфович нашел преподавателей, которые проходят с девушкой школьный курс наук. Отец надеется, что упорная и трудолюбивая Эрика, некогда круглая отличница, сможет вернуть прежние знания и вновь станет студенткой.

И действительно, память возвращается к дочери Кнабе. Единственное, что она начисто выбросила из головы, так это день, когда с ней случилось несчастье, ужасное происшествие полностью вытеснено из ее сознания. Эрике кажется, что она легла спать и очнулась в больнице, в окружении медицинских аппаратов. Врачи объяснили: подобная амнезия характерна для людей, испытавших серьезное потрясение, а в случае с Эрикой еще имела место асфиксия. Вообще чудо, что девушка оклемалась, ей не стоит напоминать о маньяке. Вероятно, события того страшного дня когда-нибудь всплывут из мрака подсознания, но чем позже это случится, тем лучше, неокрепшая психика может не выдержать нового испытания.

Узнав это, Лаура Карловна уволила из поместья всех, кто еще не успел доказать свою верность Кнабе, оставила только проверенных людей и строго-настрого предупредила:

– Если Эрика будет задавать вопросы, отвечайте ей одинаково: «Вы утром, собираясь в институт, споткнулись на лестнице, упали, скатились со второго этажа и сильно повредили голову. Шрам на шее от кожаного шнурка с медальоном, он вас чуть не задушил, когда вы падали».

Новым работникам сообщали то же самое. Этой версии все до сих пор и придерживаются. Правда, Эрика у прислуги ничего не спрашивает. Она ведет себя тихо, полюбила сидеть в одиночестве. Если к ней обратиться, девушка ответит, но сама затевать беседы не любит...

– Жуткая история, – поежилась я.

Надя кивнула:

– Ага. Герман Вольфович себя винит. Он, в отличие от других богатеев, детей не баловал. Михаила и Эрику воспитывали строго, отец с ними не сюсюкал, не разрешал им бездельничать. Весной я в библиотеке пыль сметала, стояла в самом темном углу, вдруг слышу голос хозяина, они с Лаурой под открытым окном проходили, Герман Вольфович говорит: «Я виноват! Только я один!» А Лаура ему отвечает: «Нет, милый, не взваливай такую ношу на свои плечи, ты сделал все, что мог». Герман ей в ответ: «Ну почему я не приставил к Эрике охрану? Не приказал за ней присматривать? За что мне такие ужас, горе и страх? Вдруг к дочке память вернется, что нам тогда делать? Как жить?» Потом

они ушли, а я никак опомниться не могла. В голосе хозяина звучала настоящая мука! Я считала его холодным человеком, но, выходит, ошибалась. Герман Вольфович при посторонних маску носит, а сам жутко переживает. Боится, что дочь вспомнит нападение маньяка и ей хуже станет.

– Поняла, – кивнула я, – никаких вопросов об Эрике не задаю. А что за история с убитой Ниной?

Собеседница передернулась.

– Клаус! Он ее жизни лишил!

Я с легкой укоризной глянула на старшую горничную.

– Ты веришь в глупые сказки?

Надя нахмурилась.

– Не знаешь, не говори. Ей Степан смерть напророчил. Нинке очень Костя нравился. Ну да это неудивительно, за ним почти все девки бегают. Нинка решила парня захомутать и рванула к Степану.

– Зачем? – заморгала я.

Горничная усмехнулась.

– Дед умеет женихов привораживать, но он с придурью. Одной сразу поможет, другой прикажет по сто раз ходить, а третьей вообще от ворот поворот. Хоть испросись, даже пальцем не шевельнет. Нинке Степан сказал: «Костя не для тебя. Его другая судьба ждет, я людям карму не ломаю».

Нине бы уйти, а она пристала к колдуну, давай ныть, мол, расскажи, дедушка, кого Костик полюбит! Степан ее вон вытурил. Любая поняла бы – не надо больше Костику глазки строить, дед будущее видит. Он, кстати, всем, кто на нашего красавчика зарится, говорит: «Не про вашу честь принц, его настоящая царевна поджидает, ищите других парней». Ленка Липатова деда послушалась, так он ей пообещал, что за свой покладистый характер она награду получит, в пятницу

жениха встретит. И точно! В имение приехал адвокат Германа Вольфовича, и завязалась у его водителя с Еленой любовь. Свете Пономаревой Степан тоже верно нагадал, пообещал ей интересное путешествие. Зимой Лаура Карловна в Милан полетела, когда мебель на втором этаже поменять решила. Так кого она с собой прихватила?

– Светлану, – уверенно ответила я.

Надя засмеялась:

– Угадала. Степан даже Павла Михайловича поразил, нашего главного механика. Его дочь Аська в доме отвечает за белье, и она повадилась к Степану бегать, то конфет ему принесет, то сигарет, советовалась с ним по любому поводу. А какому ж отцу понравится, что чужой дед своим для доченьки стал? Павел Михайлович к Степану приперся и по-простому ему врубил: «Не смей мою Аську контролировать!» В общем, поругались они, механик старика мошенником назвал, а тот ему заявил: «Вижу будущее: тебе сегодня обед в железной миске подадут, как собаке. Много чего еще про вас с дочкой вижу, но не открою, хватит с тебя и этого».

И представляешь! Садится Павел Михайлович в рабочей столовой есть, а ему суп не в тарелке, а в эмалированной плошке несут! Кухарка извиняется, говорит, Лаура Карловна велела посуду сменить.

– Забавная история, – остановила я рассказчицу. – Но что там с Ниной дальше было?

– Деду нервы она издергала, каждый день притаскивалась, просила Костика приворожить. Совсем с ума съехала! Сказала поварихе: «Костик на меня не смотрит, значит, у него другая есть. Прослежу за ним, поймаю с бабой и пригрожу: либо он ее бросит и со мной жить будет, либо я Лауре Карловне про его похождения доложу».

– Оригинальный способ заполучить мужчину, – отметила я.

Надя положила ногу на ногу.

– Говорю же, дура! Наверное, она своими планами со Степаном поделилась, потому что дед ей сказал: «Ступай домой и не высовывайся из комнаты. Ох, чую, ночью Клаус придет и тебя из окна вышвырнет. Он таких скандалисток не любит». Нинка во флигель порысила и всем девкам о пророчестве деда натрепала. А в полночь...

Горничная вытаращила глаза и подняла руки.

– Как зазвенит, застучит, завоет... Не обманул Степан, Клаус пришел! Мне всю эту историю повариха Анна Степановна разболтала. Я тогда у Кнабе еще не работала.

– Что случилось с Ниной? – поинтересовалась я.

– Разве я не сказала? – удивилась Надя. – Она из окна вывалилась, позвоночник сломала, на месте померла. Ее утром нашла охрана.

Глава 9

Я подскочила на крышке унитаза.

– Сама упала? Милицию вызывали?

Надя закивала.

– Анна Степановна говорила: приезжали парни в форме, вопросы задавали. А потом Лаура Карловна собрание устроила и разгон народу учинила. Вот уж никто не думал, что она так ругаться умеет, чуть не матом всех крыла. Требовала перестать к Степану бегать и его хрень слушать. Мол, дед владеет цыганским гипнозом, всем в голову дурь вколачивает, а никакого Клауса и в помине нет. Нинка наслушалась его сказок, у нее ум помутился, вот и сиганула из окна. Короче, это несчастный случай.

– Несчастный случай... – эхом отозвалась я.

Надя закивала.

– Так все решили. Но звон колокольчиков и стук барабана Анна Степановна слышала. Нет, нет, Клаус существует, единственный способ защиты от него – спрятаться и не высовываться, пока он не уйдет. Нельзя призраку на глаза попадаться.

– И часто он тут шастает? – Я постаралась изобразить сильный испуг.

Надежда успокоила меня:

– Не очень.

– А что случилось с Майей Лобачевой? – сменила я тему.

– Тихая девочка, – одобрительно охарактеризовала мою знакомую старшая горничная, – у нас тут все хотят Лауре Карловне понравиться, надеются, что их из простых поломоек элитой сделают, разрешат хозяйские покои мыть. Но старуха подлиз не выносит. Майя к ней не подходила, свободное время в одиночестве проводила в саду, вязать по книжке училась. Сама-то Лаура Карловна здорово крючком орудует, вот сначала Майю на этой почве и выделила. Потом присмотрелась к ней, поняла: Лобачева не треплива, со всеми в хороших отношениях, но ни с кем не приятельствует, работящая, волосы по-старомодному в косички заплетает. Ну и повысила Майку, велела той комнату Эрики мыть. Лобачева карьеру сделала! Ясное дело, девки обзавидовались и стали ей по мелочи пакостить. Пойдет Майя вечером в душ, а ей воду горячую внезапно перекроют. У нас стояки, чтобы избежать потопа, специальными отсекателями оборудованы, если где труба лопнет, повернем кран и отрубим только место протечки, полностью здание не обезводим.

– Понятно, – вздохнула я. – Неприятно мыло под ледяной струей смывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

До 1990 года Германия была разделена на две страны: Германская Демократическая Республика, ГДР, являлась частью лагеря социализма, а Федеративная Республика Германии, ФРГ, принадлежала к капиталистическому сообществу.

2

Животное придумано автором, который не исключает возможности, что на земном шаре все же водится некто, похожий на Гензу.

3

О, мой бог (нем.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/ideal-noe-telo-pyatachka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить